

Р 4-4
Рос 1-105

ПРОВОЖДЕНИЕ

Пробуждение

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

Анархия и иерархия — — — — — ПЕРЕДОВАЯ
Власть и свобода и их вековечная борьба МАКС НЕТТЛАУ
Что такое анархия — — — — — ЖАН ГРАВ
Друзья (Стихотворение) — — — — — АНАТОЛЬ КОНСЕ
Анархические мотивы в Творчестве Л. Н. Толстого М. И. СУК
Поп и атеист (Стихотворение) — — — АНАТОЛЬ КОНСЕ
Петрашевцы — — — — — А. С. ПАСТУХОВ
Песня крестьянских братьев — — — — А. А. КАРЕЛИН
Религия и наука, их спор и спорщики — Н. А. РУБАКИН
Не по коню, а по оглоблям — — — — М. РУБЕЖАНИН
Мелкие заметки и сообщения.

4-4
10с 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 10

ЯНВАРЬ, 1930

АНАРХИЯ И ИЕРАРХИЯ

В последнее время усилились нападки на анархизм. Политики, духовенство и различные патентованные спасители наперебой разносят анархизм и запугивают обывателя анархией.

В чем-же дело, почему заквакали лягушки в болоте? Казалось-бы, что в наше время пышного расцвета фашизма, укрепления государственной власти и обоготворения ее, не должно было-бы быть никаких сомнений и тревог за ее судьбу, за ее прочность, разумность и целесообразность.

Разве духовенство не прожужжало нам ушей, что всякая власть от Бога?

Разве фашистское, большевицкое или демократическое правительство можно упрекнуть в недостаточной твердости власти, в ослаблении ее, в потачках своеволию своих подданных, в пренебрежении прерогативами власти?

Власть торжествует, власть победоносно шествует, власть сокрушает и поражает. Кто устоит против нее, кто убежит от карающей ее руки? Разве в демократической Америке пустуют тюрьмы? Разве прекратили свою работу палачи, и больше не гибнут люди на Соловках, в Туруханском крае и прочих гиблых местах, разбросанных по лицу земного шара?

Разве народы всех стран не зажаты в железный кулак власти? Разве малейшие намеки на протест не подавляются самым жестоким, беспощадным образом?

Откуда-же тревога, резкий диссонанс в симфонии, воспевающей оды закону, порядку и государственности?

Почему вырывается этот дикий, пронзительный вой:

—Власть в опасности!

Кто виновник этой опасности? Анархисты? Разве они разрушают королевские дворцы, бросают бомбы, истребляют представителей власти? Мы что-то не слышим больше об анархическом терроре. Чиновники могут спать спокойно. С этой стороны им опасность не угрожает.

Но существует действительно грозная, непредотвратимая, социальная опасность, надвигающаяся стихийно, подземные толчки которой ощутимы правительствами всех стран, с тревогой предвосхищающими отдаленные раскаты грядущей социальной революции.

Появились уже провозвестники грядущей социальной катастрофы. Гуверы, Мандональды, Сталины, Муссолини и Пилсудские бесцельны остановить быстрый рост безработицы, не могут накормить миллионы безработ-

ных, которым они брасают жалкие подаяния в виде полуголодных пайков, не могут уничтожить бремени возрастающих государственных бюджетов. Миллиарды долларов бесполезно тратятся на увеличивающиеся армии и флоты, государственные аппараты разбухают до неслыханных размеров и чиновничья саранча пожирает выколачиваемые из народа огромные средства.

Параллельно с этим происходит расширение властью природных богатств, ограбление и разорение народа податями, экономическое и политическое его порабощение капиталистами и государством. И этот гнет, грабеж, экономическая кабала, необеспеченность трудящихся классов населения доведены до последней черты, до крайнего напряжения. Народ пока терпит, безмолвствует. Но натянутые нити могут оборваться, и может разразиться социальное потрясение.

Власть и правящие классы своими собственными руками усердно готовят эту катастрофу. Они — главные зачинщики и поджигатели социального пожара, который сожжет здание государственного насилия и порабощения. В уничтожении государства, т. е. власти всяких чиновников, им чудится анархия, конец их паразитическому существованию и торжество свободы, которую они признают только для себя, но не для других.

Иерархисты изображают анархизм в виде хаоса, беспорядка, разрушения и ужаса. Анархизм им ненавистен и страшен, и поэтому они измышляют и клеветают. Чтобы отчасти успокоить напуганных „ужасами“ анархизма людей, приведем несколько мнений авторитетных знатоков об этом учении.

П. А. Кропоткин в „Анархии, ее философии и ее идеале“ дает следующее определение анархизма:

„Признавая за всеми своими членами одинаковое фактическое право на все сокровища, накопленные прошлым, это общество не знает деления на эксплуатируемых и эксплуататоров, управляемых и управляющих, подчиненных и господствующих, а стремится установить в своей среде известное гармоническое соответствие — не посредством подчинения своих членов какой-нибудь власти,

которая считалась-бы представительницей всего общества, не попытками установить единообразие, а путем призыва людей к свободному развитию, к свободному почину и свободной деятельности, к свободному объединению“.

Известный английский философ Бертранд Расселль, в своей книге „Предложенные пути к свободе“ об анархистах говорит:

„Некоторые анархисты признают необходимость бросания бомб; многие же из анархистов отвергают террор. Люди почти всех политических оттенков признают бросание бомб в известных обстоятельствах, например: человек, бросивший бомбу в Сараеве, вызвавшую нынешнюю войну (Мировую войну), был националист, а не анархист.“

„Анархисты, подобно социалистам, обыкновенно признают классовую борьбу, и если они прибегают к бомбам, то они употребляют бомбы точно так-же, как и правительства, для целей войны. Но на каждую, сделанную анархистами бомбу, приходится миллионы бомб, фабрикуемых правительствами, и на каждого человека, павшего жертвой анархического насилия приходится миллионы погибших от государственного террора“.

Утверждения государственников об иерархичности бытия и духа представляют не что иное, как выдумки последователей спекулятивной философии. Искусственность иерархичности очевидна: без существования государственных насильнических институтов, без организованной религии немыслима иерархия.

„Человек, — пишет П. Кропоткин, — в упомянутой выше книге, — представляет собою теперь для психолога множество отдельных способностей, множество независимых стремлений, равных между собою, функционирующих независимо друг от друга, постоянно уравнивающих друг друга, всегда находящихся в противоречии между собою. Взятый в целом, человек представляется современному психологу, как вечно изменяющаяся равнодействующая всех этих разнообразных способностей, этих независимых стремлений мозговых клеток и нервных центров. Все они связаны между собою и влияют друг на друга, но каждый и каждая из них живет

МАКС НЕТТЛАУ.

Власть и свобода и их вековая борьба

Многие из анархистов приходят к унынию от сознания незначительности влияния, оказываемого на общественную жизнь и мысль анархическим учением. В самом деле, бросается в глаза малочисленность людей, затронутых всегда усердной нашей пропагандой в сравнении с миллионами людей на земном шаре, испытывающих влияние чрезвычайно развитой и энергичной пропаганды, ведущейся посредством печати, с амвона, трибуны и другими способами в интересах капиталистов, милитаристов, священников, большевиков, социал-

демократов; или просто увлекающей публику подражанию кричащей моде, вскруживающей ей голову сногшибательными галстуками, шляпами, какой-нибудь модной религией, или поисками тайн бытия.

Начиная с огромных Северо-Американских Соединенных Штатов, в которых обоготворяются богатства и успех их накопления, и вплоть до безграничного СССР, очевидно зачарованного благодеяниями, которые сулит спасительная марксистская диктатура возбужденным и помраченным умам, не считая нескольких нейтральных уголков и мест — ни один из народов не восстановил умственного равновесия, нарушенного со времени 1914 года: все они находятся под властью правительств, маскирующихся или цинично обнаженных, подобно диктатуре Муссолини; словом, — везде господствует власть.

Допустим, что „иерархия“ — божественное установление. Но в таком случае — не встретится ли затруднений и не произойдет ли путаницы при распределении лестных мест? На какой ступени лестницы, например, должен восседать плутоватый монах Варнава, посвященный во епископы по настоянию не менее плутоватого старца Распутина. Или же, должен ли был-бы брать под козырек иерархист жеребцу Калигулы, возведенному в звание сенатора? Или отдавать честь повару, награжденному генеральским чином императрицей Елисаветой?

А если-бы пришлось распределить парижских, белградских и прочих беженцев по сословным, служебным и другим званиям, чинам и рангам, то это представило-бы почти невыполнимую задачу. Все устремились-бы на верхнюю ступеньку, и основание лестницы не выдержало-бы и рухнуло.

И иерархический строй, проповедуемый властниками, представляется нам ничем иным, как новой попыткой постройки социальной Вавилонской башни, которая обрушится на головы ее строителей, и похоронит их под ее развалинами.

Спасение человечества в равенстве и свободе, которые нам дарит анархия.

Более того, социалистические и лабораторские партии, в настоящее время увеличившие свои ряды миллионами номинальных членов, являются активными участниками оргий власти: из рядов этих партий вышли не только большевистские узурпаторы, но и политики, возглавляющие правительства больших европейских стран: Бриан, Макдональд, Сноуден, Герман Мюллер, Гильфердинг, а также владельцы, являющиеся олигополизацией высшей степени реакции, — Муссолини и Плассудекки.

Можно-ли в таком случае предполагать, что современное человечество бесспорно встало на сторону власти, и что современный пролетариат мыслит социализм в той или иной властнической форме, искусно или грубо навязываемой ему? И неужели не осталось никакой надежды на осуществление идеала свободы, получающего выражение в анархизме?

По моему глубокому убеждению, нельзя представлять дело в таком неприглядном свете. Происходящие события только ускоряют темп эволюции, вводящей нас вначале

в период бесплодных конвульсий, в сфере которых (и кто знает в какой стадии?) мы очутились перед тем, как благотворительная революция снесет сор и расчистит путь для создания свободного общества. Этот конвульсивный кризис сорвет маски, откроет многим глаза, и они станут видеть более ясно, нежели прежде. А это уже само по себе большое достижение, и может иметь еще большее значение, если мы внимательно проанализируем совершающиеся события, сделаем правильные выводы и станем действовать в соответствии с ними.

Но для того, чтобы уяснить смысл сказанного и обосновать мои тезисы, мне придется коснуться прошлого и углубиться до самого корня некоторых вещей.

Молодая анархическая мысль, поскольку речь касается проблем практического применения свободы, воплощения анархизма в жизни, еще не сказала своего последнего слова. И это вполне естественно, ибо в данном случае приходится иметь дело с живым организмом. Кажущаяся устойчивость — путь к разложению и гибели.

Согласимся с тем, что власть первоначально находила себе оправдание в опыте и защите блага слабых; допустим, что свобода для слабого, например, новорожденного ребенка, при известных обстоятельствах, может быть равносильна оставлению его на произвол судьбы и смерти; представим себе, что благоразумное сотрудничество власти и свободы может иметь благотворные последствия, подобно заботливому уходу матери за беспомощным ребенком, или помощи ученику, оказываемой интеллигентным учителем; но из всего этого еще не следует делать заключения о том, что все эти исключительные случаи содружества власти и свободы можно сделать общими и распространить на многочисленные отношения между людьми, которые, по условиям жизни, развиваясь из простых и примитивных в более сложные формы, постоянно изменяются и принимают другой вид.

А посему, власть и свобода, выполнявшие естественные функции в пределах своих

сфер, распространялись, соперничали, боролись, смешивались и вступали в странные комбинации, образуя грубые и жесткие ткани первоначальных форм организованного общества, в котором власть и свобода почти никогда не находились на надлежащем месте, и лишь в редких случаях выполняли свое назначение.

Покровительство тогда превратилось в преобладание; воспитание приняло характер жестокости и принуждения; свобода была обращена в привилегию и тиранию; общественное пользование вещами было заменено частной собственностью; последняя привела к бесконечному накоплению богатств и монополии с соответственным ограблением слабого, лишенного собственности и превращенного в раба.

В этой первой великой борьбе, как можно предполагать, обладавшие властью благодаря опыту, силе и таланту превосходили, как воины, отстаивавших свою свободу, но оказавшихся еще недостаточно развитыми, сильными и опытными, и поэтому авторитаристы победили, и с доисторических дней до настоящего времени являются господами положения. Этот хотя и долгий промежуток времени является все еще только начальной ступенью развития на пути создания более гуманной, достойной людей, жизни, о которой всегда говорили лучшие мыслители и пророки.

Поэтому буржуазные защитники современной „прекрасной“ системы ничем особенным не могут гордиться, кроме разве чрезмерной разорительности и дряхлости капиталистического строя. Они все еще являются достойными прямыми наследниками пещерных жителей.

Подобно дикарям, они бьют своих противников по голове, как это делали дикари; они усовершенствовали инструменты взаимного истребления и способы удержания в рабстве и покорности (именуют своих рабов гражданами и даже товарищами) путем утешения, чтобы принудить их к повиновению.

К таким результатам приводит эволюция, когда свобода систематически подав-

ляется и власть порождает уродливые явления.

Дойден-ли уже крайний предел и что нас еще может ожидать впереди — трудно предсказать.

Отвратив взор от этого неутешительно-го зрелища, остановимся на истории свободы, отнесенной на задний план, преследуемой жестокой властью, но никогда неискоренимой, никогда не признающей себя побежденной, всегда храбро пробирающейся вперед.

Изгнанная из общественной жизни и лишенная доступа к богатствам земли, захваченным монополистами, свобода жила в индивидуумах, в частной жизни, в чувствах, а временами в действиях анонимных коллективов: ее сфера — интеллект и чувства, мысль и поведение. Ее результаты — общечеловечность и взаимопомощь, прогресс просвещения, опыт, изыскания и наука, этика и человеческое достоинство в поведении, иногда восстание против власти и ощутительный подрыв ее авторитета.

Жизнь, которая была-бы невыносимой в адеком водовороте власти, каковой она становится в странах слишком деспотических, лишенных свободного дыхания, подобно фашистской Италии, или большевистской России, — всем обязана свободе. Идет-ли речь об облегчении давящего бремени, ограничении власти и монополии, смягчении жестокостей власти, гуманизировании властителей и управляемых, всякий прогресс науки и применения ее в практической жизни, словом, — всем в жизни мы обязаны свободе.

Поскольку работа интеллекта, являющегося существенным фактором опыта, изыскания и положительных успешных результатов, зависит от условий свободы, и поскольку широкое применение этих результатов тоже находится в зависимости от степени усилий, от наиболее благоприятных условий, сводящихся к уменьшению препятствий, т. е. наибольшей свободы, — то становится очевидным, что свобода — самый существенный фактор в развитии человечества, и что власть, терпящая при наличии примитивного состояния людей, должна отойти в об-

ласть предания, а в случае сопротивления, чего естественно можно ожидать, она должна быть свергнута. Ибо власть по своей природе консервативный, не производительный, не творческий фактор. Она может передавать приобретенный опыт, но не может сама увеличивать опыт. Это просто исполнительный орган, но не мыслящий. Она только способна повиноваться приказам или извращать их в неправильном направлении, ухудшая положение. Она подобна часовому, поставленному для охраны кучи дров и оставленному на этом месте в течение ста лет, не смененному новым часовым. Точно таким-же образом столетия и более старые законы все еще давят нас.

В результате — свободный человеческий интеллект, создаваемый обычно при очень затруднительных условиях, всегда должен проявлять себя в еще более несовершенной и трудной обстановке, вследствие чего человечество получает гораздо меньше пользы, нежели оно могло-бы иметь при отсутствии стеснений и наличии свободы.

Таким образом, власть является самым противообщественным фактором в то время как свобода — самым общественным фактором. И когда люди поймут это, то станут действовать соответственно. В этом понимании лежит непоколебимая и твердая надежда на постепенное создание условий, благоприятных для осуществления анархизма.

Антиобщественные элементы со временем исчезнут из жизни подобно тому, как это случилось с доисторическими гигантами — животными. Точно так-же должен исчезнуть антиобщественный государственный организм и паразитический капиталистический строй, которые уступят место новому обществу, более уравновешенному, предприимчивому, гуманному и пригодному для жизни человечества.

Эта великая задача уничтожения грубой, ленивой, насильнической и развратной власти и замены ее подвижной, предприимчивой свободой составляет важную проблему человеческой прогрессивной эволюции, и все люди и объединения их, представлявшие дей-

ствительную ценность, во все времена стремились к ее разрешению самыми различными путями, в каждой области, в то время, как все господствующие и паразитствующие элементы, преследующие свои эгоистические, консервативные цели, страстно восставали и противодействовали всякими средствами, в числе которых умственное затемнение не образованных трудящихся масс всегда играло значительную роль.

Они принуждали эти затемненные массы служить власти, Богу, королям и его начальникам, и создавали культ преклонения перед ними, который Этьенн де-ла Бойль в XIV столетии называл добровольным рабством (*servitude volontaire*), проникнутым духом не только отреченности и фатализма, но самовнушения внутренней правильности, заключающейся в подчинении и послушании, духом, который в английском языке несколько поколений назад породил приобретший права гражданства термин „лучших классов“ и им стали обозначать богатых людей, буржуазию в отличие от „каналий“, простого народа: как будто- бы эти два разряда людей возникли „по воле Бога“.

Спротивление и восстание против изуродующей властической системы должно быть поэтому всеобъемлющим, охватывающим интеллектуальную, социальную, политическую, моральную и все другие области жизни, ибо все было и есть извращенным и искаженным влиянием власти в интересах сохранения привилегий и монополии. Все это требует всеобщей борьбы за освобождение, которая должна быть исчерпывающей, затрагивающей интеллект, быт, политику, пол, мораль, этику, искусство и т. д. Все эти области имеют свои собственные темпы, методы, хронологию и местные условия развития, но вместе с тем являются частью огромного общего усилия, и это общее усилие, призыв к гигантской борьбе есть нынешняя и будущая борьба за полное освобождение, за свободное или, как мы называем его, анархическое общество. Следует уяснить себе, что мы ценим каждое отдельное, частичное усилие, являющееся частью этого общего уси-

лия, но мы понимаем, что только общим усилием можно достигнуть подлинного освобождения, частичными же усилиями его невозможно осуществить.

?

Мы безгранично ценим **свободомыслие**. Но само по себе оно не спасение: буржуазия и либералы восстают против социального и политического освобождения точно так же, как и клерикалы.

Мы высоко ценим известную степень **политической свободы**, но мы считаем, что изведение государственного вмешательства до минимума и даже осуществление идей Герберта Спенсера, несколько не помешает государству, даже с ограниченной властью, защищать собственность, оставаться непримиримым врагом социализма и мешать его осуществлению.

И опять таки, мы ценим всякую работу на пользу **социализма**, но вместе с тем мы не можем не видеть, что властнические формы социализма, осуществляемые в виде государственных социалистических реформ, или посредством большевизмской диктатуры, не приносят свободы народу, превращают всех, кроме самих диктаторов, не только в несчастных людей, но и обрекают еще на большую нужду и страдания, благодаря неизбежной несведущности искусственно созданного аппарата диктатуры.

Поэтому, подобные частичные социальные завоевания, сами по себе желательные как всякое освободительное усилие, являются начальными, отрывочными стадиями освободительного движения, и могут быть уничтожены опять, если они останутся изолированными. Либеральные движения, как-бы они ни казались симпатичными, остаются неподвижными вследствие того, что либералы расходятся во мнениях, и очень редко выступают коллективно для достижения целей, ведущих на путь свободы. И опять таки, либералы, радикалы и свободомыслящие могут оставаться ярыми противниками социализма, не поддающимися увлечению в этом направлении.

Точно так же социалисты, слепо приемлющие государство и отвращающиеся от анархизма, в равной мере попали в тупик рефо-

римского сотрудничества и большевизмской диктатуры, осуществляемой правящим меньшинством с помощью бюрократии, армии, тайной и явной полиции.

Все это показывает бесплодность подобных частичных завоеваний, если сторонники их не считают, отвергают или разрушают солидарность и другие усилия, направленные к освобождению. Это всегда понимали подлинники анархисты, и бакунинский федерализм, социализм и антитеологизм, впоследствии получивший выражение в атеизме, анархизме и коллективизме, был принят антигосударственниками в Интернационале, ибо они понимали неразрывность связи интеллектуального, политического и социального освобождения, куда также входят другие области, упомянутые выше. Только подобный, полный социализм заслуживает внимания в то время, как социализм в укороченном виде, хотя и ценный элемент, но не может быть здоровым организмом, подобно тому, как одна рука, одна нога, которой искалеченный человек может обладать, хотя и представляют сами по себе известную ценность. — ибо лучше иметь одну руку или ногу, нежели ни одной, — но тем не менее этот бедный человек все-таки остается калекой.

Притти к этому пониманию может быть несколько затруднительным, и поэтому число социалистов свободомыслящих неизбежно значительно меньше, нежели социалистов, не признающих свободы и не ценящих свободомыслия. Но по мере увеличения числа социалистов с свободными взглядами, анархисты должны усиливать свою активность, должны взять правильный курс и употреблять свою энергию самым благоразумным образом. Для получения же лучших результатов, необходимо произвести переоценку ценностей и избавиться от некоторых иллюзий, представляющих анахронизмом в наши дни.

Со времени французской и американской революций, а также восстаний и революций в XVI и XVII столетиях (бунты германских крестьян, Нидерланды, Англия и т. д.), обнаружилось возможности массовых движений в пользу коренных перемен. Социализм

становится душой этих движений, оказывает влияние на умы, организацию, воодушевляет на борьбу, толкает на заговоры, побуждает к опытам общественного строительства, словом, — играет роль могущественного универсального фактора, победоносного и способного осуществить ту или иную форму благотельного социализма.

В век Вашингтона и Мирабо, Давтона и Наполеона верили в подобные всепобеждающие возможности в соответствии с личными настроениями и наклонностями. Выдающиеся социалистические мыслители считали упомянутые выше мотивы движения несокрушимыми импульсами, толкающими на штурм капиталистической системы, приводящими к исчезновению капитализма после удачного социалистического опыта (Фурье, Роберт Оуэн), или они создавали планы насильственного свержения капитализма (Маркс). Они верили в сокрушающие революционные силы пробуждающегося народа (Бакунин); в разумность принципов равного обмена и справедливых договоров (Джосия Воррен, Прудон) и т. д.

Рабочие казались были склонны к созданию организаций в большом масштабе (третьюшки), и в самом деле независимо от социалистического движения, были принуждены к этому, чтобы защитить свое физическое существование, которому угрожала фабричная система в первоначальный свой период накопления, поправлявшая мужчин, женщин и детей на фабриках подобно тому, как фабричные печи поглощали уголь.

Рабочие также казались были склонны к коллективному политическому и социальному действию (чартизм), и скоро вошло в обычай организовать группы рабочих избирателей в тех случаях, когда они пользовались избирательным правом, посылать своих представителей в избирательные учреждения и т. д.

Все это породило разнообразие социалистического критицизма, планов, систем, тактик и опытов, а также постоянные столкновения, ссоры, разногласия, издвигавшее отрицание и очень серьезную вражду между школами социалистической мысли. К этому времени наука только начала освобождаться от

подобного состояния нетерпимости, непрекращающейся войны и ссоры, установила критерий для объективной оценки научной работы, и среди ученых все более популярной становится идея дружественного сотрудничества.

С другой стороны, века религиозных войн, взаимной ненависти, насаждаемой государством, порождаемой ожесточенными войнами, политическим фанатизмом самых разнообразных оттенков во имя сохранения власти, предшествуют периоду более братских отношений, в которых находят воодушевление более ранние поколения социалистов. Все социалисты были нетолеранты, подобно проповедникам двух сект, подобно воинственным филологам XVIII столетия, подобно деятелям Французской Революции, посылавшим своих оппонентов под нож гильотины, и эта нетерпимость превращалась у них в священную обязанность; терпимость, по их понятиям, равносильна снисходительности, а это в свою очередь — измена.

При подобных условиях, — как это проглядывает из каждой детали при ознакомлении с ранней социалистической литературой и как это с большей яркостью выявляется при тщательном историческом исследовании, — началась столетняя социалистическая война между соревнующимися социалистическими течениями, все еще продолжающаяся, и конца которой все еще не видать. К великому сожалению, приходится констатировать, что эта междоусобица, в начале выливавшаяся в форму полемики и словесных сражений, в настоящее время приняла вид далеко не безобидный после того, как борющиеся стороны стали прибегать к способам борьбы, практикуемым в России с осени 1917 года, угрожающим всем другим странам, где власть может очутиться в руках враждующих фракций, каждая из которых претендует на выразителя подлинного вида социализма.

Социализм проникнут до такой степени властничеством, что не терпит „иног Бога“, кроме себя, и что каждая фракция несомненно верит в возможность и необходимость навязывания всем своих мнений. А коль скоро это так, то считается немейющим особенного зна-

чения — навязываются-ли эти мнения посредством убеждения, или-же насильственно. Возмутительным в данном случае надо признать самую мысль навязать человечеству одну общую систему добровольно, или посредством насилия.

Фанатизм (подобно патриотизму), мода (апеллирует атавистическим инстинктивным желаниям), реклама (употребление всяких хитрых фокусов) могут вызвать взрыв массового энтузиазма; но социализм, — мы все в этом согласны, — стоит на более высокой ступени и требует сознательного восприятия человеком для того, чтобы иметь подлинную ценность и успех.

В равной степени очевидно, что общественным мнением, большинством и т. д. нельзя разрешить вопроса о достоинствах того или иного дела; что в настоящее время нельзя предвидеть развития будущих событий, или старых систем; что изоляция — причина слабости во всякой области, — не может быть признана за силу в какой-нибудь системе, которая могла-бы добиться успеха нечистыми средствами, уничтожить все другие системы, и затем занять преобладающее, хотя и изолированное, положение диктаторства.

Короче говоря, эта нетерпимость парализует и разрушает социализм, и всегда приводила к подобным последствиям. Более того, это напоминает сизифову работу: марксизм сделал все возможное для того, чтобы разрушить всякие иные формы социализма, и с начала и до конца рука Маркса поднималась против всех других социалистов и анархистов.

Подобная деятельность порождала раскол за расколом (кроме анархистов, выступивших на самостоятельный путь), обескровила социализм и разогнала социалистов (конечно только на бумаге в те отдаленные времена). Что-же последовало? Социализм раздробился на кусочки (Берштейн и Каутский, Плеханов и Ленин, реформисты, соглашатели, социал-изменники, большевики — правые и левые, троцкисты и чего еще нет!?) ...

Все это также предупреждение для тех анархистов, которые нуждаются в нем. Мы являемся счастливыми обладателями прекрасных толкований анархизма и представле-

ний об его будущих внутренних построениях, каким образом он сможет превозмочь препятствия и быть осуществлен, которые изложены в произведениях знаменитых авторов, в большинстве случаев очень воинственных наших товарищей—Годвина, Воррена, Прудона, Макса Штирнера, Элизе Реклю, Бакунина, Джеймса Гильома, Цезаря Де Панпа, Мала тесты, Кропоткина, Рикарда Мелла, Волтеррины Де Клэйр, Густава Лэндауэра, Жан Грива, Себастиана Фора, Ниетро Гори, Луизи Галлесани, Л. Бертони, Иоганна Моста, Александра Беркмана, Эммы Гольдман, Льва Черного, Карелина и т. д., не считая Льва Толстого и других, симпатизирующих антигосударственности. Этот список мог-бы быть продолжен неограниченно путем включения тех, кто занимает независимые позиции во время обсуждения анархических проблем, и прибавляет новые ценности своими изысканиями, которых можно было-бы окрестить названием интеллектуальных спорщиков об анархизме. Кроме того, каждый независимый товарищ имеет свое собственное суждение по вопросам, хорошо ему известным, или составляющим предмет его особого внимания.

Может-ли кто-либо претендовать на то, что все эти последователи анархизма сходятся на какой-нибудь одной доктрине? Очевидно, — нет. Возможно-ли представить, чтобы они отвергали друг-друга до такой степени, что один из них или родственная группа механически выйдет победителем, как это случается на гонках, когда победа достается тому, кто первым прибежит к столбу.

Не может быть сомнений в том, что чепуха и второстепенные вещи не идут в счет, и я упомянула здесь самые лучшие имена, которые и до сего дня вспоминаются с уважением. Утрачивают-ли ценность произведения Прудона потому, что Кропоткин не соглашается с ним? Являются-ли коллективисты глухими только потому, что имеются коммунисты? Надо-ли считать индивидуализм ошибочным только потому, что некоторые имеют неправильное представление или не любят личность Макса Штирнера? Заблуждаются-ли коммунисты только потому, что коллективисты встают против коммунизма? И было-ли когда-

либо достигнуто общее мнение путем соглашения относительно всех этих вопросов? Каждое подобное утверждение может быть оспариваемо, и каждое или большинство из ранних мнений все еще дебатировались товарищами, и вырабатываются новые понятия.

И надо почтить за счастье, что мы являемся обладателями богатства этого разнообразия, и это одно достаточно для того, чтобы убедить нас в благоприятности свободной игры многообразия в будущем анархическом обществе, где все, теперь дремлющие, силы пробудятся и станут творить собственную жизнь не по указке какой-нибудь теории. Что сулит будущее, что может принести нам завтрашний день — нельзя представить, и эти неожиданные возможности можно лучше всего встретить, подготовившись ко всяким возможностям в пределах резона. В противном случае, нам придется оставаться рабами доктрины и плодить интеллектуальных диктаторов.

Это очень ясно, уже сорок лет назад, понимали товарищи, преимущественно в Испании, которые предлагали тогда анархизм без экономического эпитета (представляющего экономическую гипотезу), анархизм — чистый и простой, но их пример и совет был отвергнут, ибо каждый был убежден в правоте своих воздвигаемых убеждений, и придавал исключительную ценность той или иной гипотезе: индивидуализму, коллективизму или коммунизму.

Подобный вопрос ставился на обсуждение, после его возникновения в Испании, неоднократно и еще до сего времени не получил разрешения. Я усматриваю признак приближения к его разрешению в недавней Декларации принципов Американской континентальной Ассоциации рабочих, принятой на континентальном конгрессе, состоявшемся в Буэнос Айресе в мае месяце, в котором было представлено большинство латинских республик, гласящей:

....Не определяя специальной формы организации будущих экономических отношений, Американская Континентальная Ассоциация Рабочих (A. C. de Trabajadores) рекомендует коммунизм в качестве условия обещающего наибольшую гарантию социаль-

ного благополучия и индивидуальной свободы". Что касается уничтожения государства, то в Декларации говорится, что Ассоциация "требует (quite) свободного и равного общества, т. е. анархического общественного устройства".

Итак, Декларация **требует** уничтожения признанного зла (государства), она **рекомендует** экономическую форму, гипотетически, представляющуюся лучшей. Это правильный подход к делу, и я надеюсь, что этот пример — результат серьезной работы мысли, — встретит подражание. Мы только можем рекомендовать, мы никогда не должны прокламировать, декретировать, диктовать.

Поскольку мы признаем, что не должно и не может быть гегемонии доктрины, исключаящей все другие, в области социализма и анархизма, поскольку мы также должны признавать факт с вытекающими из него последствиями, а именно, — что в продолжение и после революции, в реорганизованном обществе, существующие различные социалистические и анархические мнения не исчезнут и будут стремиться найти соответственное применение. Надо считать несбыточной надеждой то, что подобные различия исчезнут подобно утренней росе при восходе солнца. Опыт показывает, что в случае их исчезновения в периоды общего возбуждения, они опять наверняка проявляются на следующий день, и что всего вероятнее, — вступит в ожесточенную борьбу с применением насильственных средств. Мы не можем уклониться от этой проблемы, ибо социальные перемены вызваны множеством причин во всех стадиях властнического и либертарного развития, и что не избежать самой отчаянной борьбы за право на существование между ними, если своевременно не будет достигнуто соглашение о взаимной помощи. А так как время не поспевает за выдвигаемыми задачами и переменами в настроениях, то трудности разрешения затронутого вопроса представляют огромные размеры. Ибо эта работа пренебрегалась веками. Каждый всегда восхвалял свою собственную доктрину или школу, как единственно правильную. И результаты известны...

Теперь поле деятельности изобилует конкурентами. В 1917 году, когда казалось наступило торжество социализма, разразилась катастрофа, поразившая и уничтожившая слабые фракции, которая оказалась более губительной для жизни социалистов, нежели злоедеяние Ходынка во время коронации последнего царя. И пусть это будет последним большевизмом, коронованным на костях бесчисленных жертв! Но если мы все не возьмемся за работу, то можно ожидать нового повторения этих социалистических катастроф, когда лобовившая фракция сокрушит все другие, народ окажется несчастным, и кто может представить себе конец подобной авантюры?

Все это результат **социалистических** настроений, возвышенных и благородных самих по себе, комбинируемых с **властнической** волей и властническим умонастроением. И если в анархических настроениях совместить подобное самосознание, нетерпимость и волю к навязыванию единой системы, — то результат получается тот-же самый. Те, кто не могут понять этого, являются поверхностными анархистами и государственниками с головы до ног. Наши пути расходятся, и их дорога ведет назад, во властнический стан.

Если из этих замечаний могут быть сделаны какие-либо практические выводы, то они, по моему мнению, выраженные вкратце, представляются в следующем виде:

Свобода является отображением высшей и позднейшей стадии развития человечества нежели власть, подобно тому, как взрослый человек представляет высшую ступень развития и превосходства, нежели беспомощный ребенок. И поэтому, между ними примирение и союз невозможны. Возможно только сотрудничество, рядом друг с другом, на принципе невмешательства, нарушаемое временами перемежной борьбой. Это относительное сотрудничество существует даже в наше время, хотя и в искаженных формах в тех случаях, когда утихают преследования и систематическое массовое подавление свободы (фашизм, большевизм) не преобладает. До тех пор, пока власть не исчезнет, или не будет ослаблена в умах людей, где она глубоко внедрилась, нельзя ожидать перемен к лучшему.

Тем временем, надо использовать всякие оттенки и проблески либертарной, либеральной, гуманитарной и социальной мысли и импульсов, чтобы подорвать авторитет власти. Это значит, что мы, анархисты, не должны работать только для анархизма вообще, или только в интересах известного анархического течения, но должны вступать в широкие отношения со всеми либералами, не властниками, свободомыслящими повсюду, и делать попытки зажечь любовь и стремление к свободе в широком смысле.

Мы не должны искать извинительных причин нашей бездеятельности в неполном, недостаточном времени, по нашему мнению, ошибочном стремлении других к той или иной форме свободы. Мы должны помнить, что наше солидаризирование с нынешними требованиями рабочих и их недовольством, со всяким анти-капиталистическим рабочим движением, хотя бы властническим, приводит нас к постоянному кооперированию, практике солидарности с рабочими и рабочими — социалистами — ярыми врагами анархической свободы, или несколько не интересующимися нашими стремлениями. И тем не менее, мы остаемся солидарны с ними, поскольку они ведут себя вызывающе в отношении капитализма, или нападают на него. Мы обязаны точно такой-же степенью солидарности каждому либеральному движению, ибо таковое является актом сопротивления или подрыва власти, государства, моральных предрассудков, рабства и рабской психологии.

Индивидуально, несомненно, многие анархисты уже теперь делают очень многое в этом направлении, расширяют сферу своей деятельности и помогают делу свободы. Но другие тщательно избегают этой работы, они парят в заоблачных, недоступных высях, в прекрасном одиночестве, в незапятнанных белых одеждах позируют в роли праведников, как будто-бы их миссия состоит в том, чтобы оставаться безупречными святыми, подобно авахаретам в пустыне, которые восседали на высоких каменных столбах или замуровывали себя в кельи, чтобы избежать всякого общения с грешной жизнью. Или же, группа заменяет личное отчуждение, подобно тому,

как социальная жизнь монастыря заменяет узкую келью отшельника. В раннюю эпоху христианства более искренно убежденные христиане расточали свои жизни в затворничестве, вследствие чего вся их церковь попала в руки жуликоватых христианских торговцев. И мы видим, что социальные движения подобным-же образом попадают в руки плутоватых профессионалов, ибо лучшие элементы очень часто уходят из движения.

Если-бы анархисты всех оттенков и симпатизирующие анархизму, сознающие свою ответственность по отношению к великому делу свободы, одолеваемые в наше время врагами — государственниками, углубили свое уважение к свободе практикой взаимной терпимости, расширили свой кругозор, вступали в благотворный контакт со всяким свободническим движением, хотя-бы слабым и неполным, — они возбудили-бы симпатии людей к свободе и своему учению, которое надлежащим образом представленное и распространенное, является самой полной и совершенной формой социализма. И тогда анархическое учение, очень мало известное в настоящее время, вызвало-бы интерес и симпатии, и стало-бы серьезным фактором. Государственники-же, теперь играющие большую роль в обществе благодаря незначительному влиянию свободнических идей, с усилением последних, станут терять поддержку тех, которые тащат повозку власти только потому, что в настоящее время очень мало делается для распространения идей свободы.

Подобная работа должна быть предпринята нами по собственному побуждению. Нет смысла бездействовать, и из года в год ожидать возмущения воды. В данном случае мы сами представляем живую силу, которая может и должна возмутить воду. Будем надеяться, что в скором времени будут предприниматься энергичные шаги в этом направлении: положение и без того плахо, чтобы позволить ему ухудшаться.

Август 8, 1929 г.

Н. НЕТТЛАУ

ОТ РЕД. КОЛЛЕГИИ. В следующем номере "П." будет помещена статья М. Неттлау об "Экономике анархизма", написанная специально для нашего журнала.

ЖАН ГРАВ

Что такое анархия?

Когда система нынешнего общественного устройства, или власти, будет совершенно уничтожена, то каждый индивидуум должен будет изыскивать средства свободно при менять свою энергию, свою инициативу, одновременно развивая свои способности и свою индивидуальность.

В настоящее время, разумеется, всегда находятся люди, которые доводят всякую идею до крайних пределов, но если бы кому нибудь из них вздумалось потребовать, чтобы каждое отдельное лицо имело-бы полное право развиваться, не взирая на окружающую обстановку, то такое требование можно бы назвать просто глупостью, так как подобное представление о свободе уже существует в капиталистическом обществе. Право, не стой-ло бы труда возставать против, лишь бы имитировать уже существующее.

Важно точно определить понятие о свободе.

То, что мы требуем — это: „Полная свобода для каждого индивидуума“. Но если мы хотим вполне согласованное общество, в котором существовали бы самые сердечные отношения, то само собой разумеется, отдельные личности не будут иметь права на личную их свободу, как только при условии полного уважения к свободе своих ближних. Свобода отдельного индивидуума кончается там, где начинается право на свободу других.

Разумеется, чтобы пользоваться абсолютной свободой, человек должен бы жить совершенно одиноко, изолированным. Он тогда не имел бы никаких ограничений в проявлении своей свободы, исключая некоторые непредвиденные обстоятельства, препятствующие ему в этом, окружающую обстановку, явления природы и пр. Но человек не создан для того, чтобы жить изолированно. Если он хочет развиваться, создать свое благополучие, он непременно должен войти в общение с другими, себе подобными. А так как его нужды велики, то это всегда вызывает образование отдельных сообществ, или союзов, разделенных на многочисленные

группы и связанных между собой взаимопомощью.

Итак, в анархическом обществе отдельные личности будут группироваться только с теми, которые будут иметь общие вкусы, общую склонность, общую связь и общую цель.

Но во время группировок свобода не исключает взаимного согласия. Для того, чтобы отдельная группа была жизненна, необходимо, прежде всего, чтобы будущие участники группы определили вполне харак. группы, их взаимоотношения, в каких условиях должна производиться работа, роль каждого участника в группе, и точное распределение труда, сообразно способностям каждого.

Когда взаимное согласие установлено, группа приступает к работе. Если же, с течением времени, будет чувствоваться необходимость в изменении некоторых условий, то такие изменения должны делаться с общего согласия. Предположим, что согласие не достигнуто, в таком случае оппозиция или несогласные выделяются в отдельную группу, свобода мнений должна всегда уважаться, и тогда уже ничто не мешает вновь сформированной группе установить свою взаимосвязь и взаимопомощь.

Но представим себе другой случай—для разрешения возникших споров заставили бы вмешаться какую нибудь власть... Что бы получилось? Разногласие не было бы устранено, но между бывшими со-членами такая власть породила бы лишь злобу.

**

Представим себе дальше, что группа не будет в состоянии, без потери огромной части времени, производить все необходимое для удовлетворения нужд своих со-членов, такое обстоятельство невольно вызывает необходимость в создании новых группировок. Но само собой разумеется, что эти группировки даже при условии выбора или какой нибудь узкой специальности, ни в каком случае не должны терять связи со своими родственными группами.

Но так или иначе, эти группировки будут иметь свои нужды, которые заставят их войти в контакт с другими группировками, с которыми им придется уже столкнуться относительно обмена продуктов производства или обмена услуг.

А так как группы, с которыми они войдут в соглашения, в свою очередь будут иметь точки соприкосновения с другими группировками, с которыми им тоже придется войти в контакт, то таким образом сформируется огромная федерация, или дружеский союз, который объединит между собой все группировки, кладущие начало анархическому обществу, в котором строго будут установлены взаимоотношения между отдельными личностями, а также и между группами, на началах полной свободы. Удовлетворение нужды и дружественная связь — вот два начала, которые будут положены в основу всех взаимоотношений.

Я знаю, многие будут кричать: „Это мечта!“ „Утопия!“ Это весьма понятно. Группы и отдельные личности могут очень часто расходиться в некоторых пунктах и сходитья на других. Что собственно вооружает в современном обществе одних лиц против других? Ответ ясен. До настоящего времени для разрешения споров прибегают или к судебному процессу, третейскому суду или они просто решаются большинством голосов. Все эти средства, однако, не вполне удовлетворяют одну сторону и раздражают другую.

В анархическом же обществе полная свобода. Если по каким-нибудь вопросам соглашение не достигнуто, то несогласные выделяются в отдельную группу, но в то же время с ними возобновляют отношения по другим вопросам, по которым соглашение достигнуто. Каждому предоставляется полная свобода действий, не нарушая интересов других.

В особенности же, я не могу не настаивать, чтобы в анархическом обществе исчезли „торговая жилая“ и дух наживы. Никто не может подкупить плохой товар в обмен на хороший. Все будет сведено только к простому обмену труда и услуг.

Благодаря свободному устройству феде-

рации, не будет больше надобности в так называемых „статистических комиссиях“ или в учреждениях по сбору налогов, которыми охотно наделили бы нас современные „коллективисты“. Обединившись, каждая группа будет в курсе всех нужд, ощущаемых другими группами, а также о роде продуктов и их количестве, необходимых для их пользования. Существующие быстрые средства сообщения значительно облегчат процедуру обмена и снабжения.

Таким образом, отдельные личности группируются между собой по взаимному соглашению и между ними устанавливается известная групповая связь. Вот первый этап социальной анархической организации.

Группы в свою очередь соединяются в одно целое на началах той же свободы. Вот второй этап.

Но, скажут некоторые, может произойти такой случай, что некоторые группы будут иметь своеобразный взгляд на вещи, который воспрепятствует им столкнуться с большинством других групп. Как они будут поступать в таком случае?

Но это очень просто! Предоставим им полную свободу действий, если только, действуя по своему усмотрению, они будут уважать свободу других.

Это лишь послужит предлогом для создания двух, десяти, ста и более федераций. Какая разница! Каждый вправе действовать по своему усмотрению в поисках лучших способов самоуправления. Эти федерации прекрасно могут существовать бок-о-бок с другими, совершенно не стесняя себя. Всегда найдется какая-нибудь общая потребность, которая в конце концов сблизит их.

В начале, анархисты назывались „коммунистами — анархистами“, но это была ошибка. В анархизме есть такая же доля индивидуализма, как и коммунизма. Мы — коммунисты, поскольку это касается обмена труда, когда последний распределяется между несколькими лицами.

Это не только потому, что общество

доводит нас до нищеты, против которой мы возстаем, но также и потому, что оно уничтожает нашу индивидуальность, стесняет нашу свободу действий, лишает нас инициативы и препятствует нашему развитию, особенно нашим желаниям и склонностям, которых мы ищем.

Современное общество создано для того, чтобы поглотить отдельную личность. Из этой отдельной личности создали род существа, которое безусловно зависит от тех, которые сделались господами. Эти существа должны гнуть свою шею и быть довольными.

Но это против природы. Общество должно быть создано таким образом, чтобы каждый индивидуум мог применять в нем свои силы и получать удовлетворение своих нужд в обмен на свой труд; полную возможность развиваться, сообразно своим способностям и склонностям. Это для того, чтобы ослабить или преодолеть трудности, или даже невозможности, которые представляет из себя уединенная жизнь для удовлетворения своих нужд и для своего нормального развития, что каждая отдельная личность ищет сообщества себе подобных, а не для того, чтобы наложить на себя какие-то путы.

Да, я знаю, что дух обоняния развился раньше, чем человек вышел из первобытного или животного состояния.

Человеку не пришлось выбирать между сообществом или уединенной жизнью, он родился в среде какого-то общественного строя, который был одним из самых примитивных и мало отличавшихся от начала наших современных обществ.

Но будь это животное или человек, который начал стремиться к объединению, не так важно, важен тот факт, что он нашел в этом известную выгоду. Только с течением процесса эволюции, в лоне примитивных обществ развилась инстинктивная господства, дух власти, жажда изживы, которые сделали из общества средство для плутов и бессовестных людей господствовать, а также эксплуатировать простаков, которые полагают, что общество никак не может быть переустроено иначе, каким оно есть.

И если так люди долго переносили этот

гнет и эту эксплуатацию, то это лишь потому, что инстинктивно они чувствовали, что само по себе объединение давало бы им возможность сознавать свои нужды и недостатки, но что организация этого объединения была-бы крайне несовершенна: они были бессильны найти что-нибудь лучшее.

И вот почему, как только человечество начало думать и размышлять, творческий дух многих мыслителей был направлен в сторону поисков более прочных основ для социальной организации, справедливой и рациональной, при которой отдельные личности могли бы найти больше благоденствия и больше свободы.

И вот почему происходили революции, чтобы уничтожить тот строй, который был ненавистен людям, чтобы заменить его другим, более лучшим. Власть, которая душила и против которой возставали люди, оставляла в их мозгу слишком глубокий след, неизгладимое впечатление. Нечистая роль, которую играла власть, раздражала их воображение. Это потому, что власть издавала плохие законы, или потому, что те лица, которые применяли законы, были очень плохими и все шло плохо. Стоило бы только изменить плохие законы, сменить плохих лиц, применявших законы и дело пошло бы лучше. И таким образом „утописты“ стремились построить системы обществ, в которых, под новыми названиями, вертеться те же самые колеса, но в воображении „утопистов“ они считались уничтоженными. Такова сущность нынешней организации. Вот каким образом происходили революции, после совершения которых менялось название общественного механизма и личный состав правительства, но повторялись старые ошибки и заблуждения до тех пор пока, благодаря создавшемуся положению, не вспыхнула другая революция, которая в сущности ничего не внесла нового, как и предыдущая: и „мечтатели“, мечтая о новых социальных реформах, продолжали изобретать социальные организации, в которых под той или иной формой, власть продолжала вести свою преступную политику.

Таким образом, дошли до власти так называемого большинства, но последняя, если она

довольно хороша теоретически, практически оказалась такой же недостойной, как и всякая другая. Если с течением процесса эволюции некоторые передовые мыслители хотя и предвидели, как бы мимоходом, злоупотребления власти вообще, то они не останавливались над этим вопросом. Общество без господ, без власти, до этого нигде не существовало! Это казалось невозможным. Кто бы должен был разрешить споры между лицами, у которых оказались различные взгляды на одни и те-же вещи?!

И нужно было дожить до наших дней, чтобы представить себе, что такой социальный строй вполне осуществим, нужно только попытаться набросать его эскиз. И еще, было ли понятие о власти совершенно выброшено из головы у всех первых анархистов?

**

В анархическом обществе, разумеется, будут изменены способы труда. Труд не будет больше представлять из себя тяжелой задачи, требующей утомительных усилий; он будет некоторым развлечением. В новом обществе машина должна быть только орудием производства, это ее назначение, рабочий будет хозяином над машиной, вместо того, чтобы быть ее рабом, как это теперь практикуется в капиталистической организации.

Предметы, предназначенные для личного пользования, для украшения жилищ, вместо того, чтобы фабриковать их целыми сериями без всякого вкуса, что является характерной особенностью капиталистической индустрии, без всякого намека на удобство, будут производиться людьми по своему предпочтению, по своим вкусам и понятиям.

Человек не всегда ограничен каким-нибудь одним призванием. Он в состоянии развить свои способности в различных направлениях в области производства, что ставит его в связь с другими лицами, и он проявляет свою солидарность с ними...

Я не могу не вернуться к тому, что человек, работая в области производства, которую он себе выберет, не будучи больше принужден производить через меру, найдет, что избранный им род труда будет ему служить некоторо-

го рода развлечением.

Мне будут возражать, без сомнения, что такого рода система производства приведет к краху... В настоящее время, когда производством занято незначительное меньшинство, на лицо имеется перепроизводство. Магазины переполнены товарами, образуются траты для ограничения производства и для уменьшения количества товаров.

О, да, я знаю! Налицо имеется перепроизводство, но это происходит от того, что громадное большинство людей не имеют средств вполне удовлетворить свои нужды. Магазины завалены товарами, но с другой стороны, какое количество людей, которые лишены возможности приобрести эти товары, за неимением средств.

Я знаю это. Но если принять в соображение ограничение производства товаров, а также и безработицу, которая становится постоянным явлением, то я полагаю, что даже в данный момент можно было бы удовлетворить нужды населения.

В настоящее время безработица во Франции незначительна, но в Англии, где количество безработных превосходит миллион, вопрос о безработице принимает тяжелую форму.

Нужно принять в соображение то обстоятельство, что в анархическом обществе все будут работать и будут заняты только продуктивной работой. Будут совершенно упразднены бесполезные должности, sinecуры, которые так неразрывно связаны с капиталистической организацией, но каковыя совершенно не будут иметь места в новом обществе.

Многочисленны и разнообразны будут формы ассоциаций. Отдельные личности будут соединяться в группы, сообразно их вкусам, их наклонностям и их связям, чтобы производить и выпускать товары сообразно их идеям и вкусам. Но может произойти такая вещь, что некоторые лица будут в состоянии изобретать какие-нибудь вещи, но не в состоянии производить их, тогда как другие лица, не способные изобретать их, но вполне способные производить их. Может случиться также, что лица, объединившись между собой для производства товаров для собственного

употребления, могут фабриковать их также для нужд других, в равной степени они могут войти в соглашение с другими группами, которые будут снабжать их сырым материалом.

Относительно распределения механической силы — вот еще одна возможность для связи с другими группами — не будет больше надобности в громадных заводах и фабриках, которые поглощают тысячи рабочих, превращая их в узких специалистов, которые способны работать только в известной отрасли производства, что в свою очередь превращает труд в убийственную и скучную обязанность.

Каждое отдельное лицо, избравши себе какойнибудь род работы по своему предпочтению и сообразно своим способностям, может разнообразить этот род работы по своему усмотрению. Труд, как я уже неоднократно говорил, будет служить ему, как некоторого рода развлечение, а не тяжелой обязанностью. Каждый будет стараться в течение шести-или восьми — часового рабочего дня производить самым лучшим образом только то, что необходимо для нужд потребления.

Если бы — чего я не допускаю — производство предметов роскоши стало бы убыточным, то в таком случае группы должны согласоваться между собой, сократить на время производство этих предметов и уделять больше времени на производство предметов первой необходимости.

**
*

Как видно, что в этой части коммунизма, которая вызывает необходимость объединения, имеется в равной доле и часть индивидуализма, лишь бы только уважалась свобода каждого отдельного лица, от которого будет требоваться только выполнение обязательств по отношению к работе, которую оно избрало добровольно или по убеждению, в котором выгоды или невыгоды будут свободно оспариваться. Что касается частной жизни отдельного лица, то стоит ли говорить о том, что ему предоставляется полная свобода в устройстве своей жизни так, как ему это угодно будет, не отдавая в этом никому отчета, если

только это лицо не нарушает прав своих ближних.

И я отлично понимаю, что известные товарищи, находя слишком узким определение коммунизма, присоединенного к определению анархизма, пытались выставить напоказ, что мы в равной степени имеем нашу долю индивидуализма.

Но, как и всегда, находятся лица, которые считают себя более роялистами, чем сам король, а некоторые революционеры — более революционными, чем все остальные их товарищи... Вместо того, чтобы присоединиться к той части индивидуализма, которая допускает необходимость объединения, они, под логическим предлогом, довели вещи до абсурда, требуя абсолютного права для отдельной личности (рассуждая таким образом, как будто эта отдельная личность является каким-то отвлеченным понятием) поступать свободно во всем и в особенности так, как это ей заблагорассудится, не обращая внимания на тех, которых она может стеснять. Ее собственное развитие прежде всего.

Это именно была та крайность, которая дала возможность некоторым наемникам префектуры полиции просочиться в нашу среду и проповедывать с бахвальством некоторые ложь, которые, после внимательного рассмотрения, оказывались ложными.

„Настоящий анархист — это индивидуалист“ — проповедывали они. „Настоящий анархист — это мятежник, который не подчиняется законам и никаким социальным требованиям. Это незаконник!“ Понятно, что такое рассуждение могло казаться логическим для тех лиц, которые увлекались крайностями.

„Вследствие чего — добавляли они — настоящий анархист не должен подчиняться требованиям хозяина или мастера. Он не должен осквернять свои руки, работая на них. Стоять от тех, которые грабили нас, капиталистов, необходимые для нашего существования! Вот что называется настоящим революционер, настоящий анархист!“ И продолжая развивать свои идеи, они дошли до того, что начали проповедывать о грабежах и подлогах даже между своими товарищами.

(Было несправедливо с их точки зрения,

чтобы ктонибудь имел две рубашки или две шляпы, тогда как другие не имели их). И наконец, чтобы быть „логическими“ до конца, эти же самые личности заявили, что они считают совершенно нормальным явлением, если какойнибудь мужчина будет жить на счет проституции своей жены или своей сестры, или какойнибудь другой женщины, с которой ему угодно будет войти в связь, после того как она уже была в связи с другими.

Благодаря их бесстыдству и их красноречию, подобного рода типы успели извратить наши идеи, и это удалось им сравнительно легко, благодаря тому задору, который многих толкает доводить свои идеи до крайних пределов, полагая, что во всем этом имеется много „логического“ смысла, и считать себя впереди тех, которые не увлекаются их фальшивыми рассуждениями.

И вот потому-то, не разбирая ни правого ни виноватого, агентам — провокаторам удалось захватить множество наших истинных товарищей, которые могли бы сделаться хорошими пропагандистами, но вместо этого они теперь томятся в тюрьмах и на каторге.

Что из общего количества только некоторые следовали своим внутренним побуждениям, не имея надобности в полицейской пропаганде — это весьма вероятно, но таких было незначительное меньшинство. Но с другой стороны сколько молодых невежд было увлечено софизмами этих лже-учителей, и впоследствии сделалось взломщиками, памятуя уроки тех, которые называли себя защитниками порядка и собственности.

Нагрянувшая затем война произвела раскол между нами, полицейские мародеры воспользовались этим случаем, чтобы разжечь наш спор и воспрепятствовать возобновлению движения, парализуя, таким образом, я не знаю еще на какое продолжительное время, усилия тех, которые оставшись верными идеалу, хотели бы возобновить их пропаганду на прежних основаниях. Разумеется, они должны принять в соображение уроки событий печального прошлого.

Надо принять в соображение другие опи-

бки и заблуждения, (хотя менее важные, но в тоже время досадные и неприятные), которые так или иначе препятствовали общему движению. Таким образом, например, под предлогом, что анархисты требуют для каждого индивидуума права проявлять свою собственную инициативу нашлись некоторые субъекты, которые ничем больше не занимались, как только своим личным желанием пробиться вперед. Попытки эти им не удавались и они, не имея помощи извне, лишь беспомощно хлопали своими подрезанными крыльями.

Разумеется, были также случаи проявления тщеславия в ущерб принципам, но когда вопрос идет о какомнибудь движении, столько же серьезном, как и вопрос о социальной революции, не должно ли личное тщеславие быть отложенным в сторону, и, вместо того, чтобы создавать какуюнибудь группу, когда налицо уже имеются однородные группы, не лучше ли было бы (если нет никаких серьезных разногласий) приложить свои усилия и поддерживать те группы, которые уже существуют.

Сама по себе обстановка не обязывает, чтобы каждый непременно работал в своем углу, не интересуясь тем, что делают другие. Это допустимо, когда ктонибудь занят какойнибудь особой работой, но с другой стороны, желательно, чтобы каждое отдельное лицо входило в контакт с своими товарищами по борьбе. А также бывают такие предприятия, которые могут быть руководимы только при содействии большого или малого количества людей. При наличии нашего малого числа и наших ограниченных средств, было бы полезно, иногда, делать теоретические выводы о некоторых разногласиях и разномыслии и соединить общия усилия, чтобы получить полезный результат.

Во время пропаганды мы также наблюдали, как некоторые лица, которые не были сами в состоянии подняться когданибудь на ноги, постоянно критиковали то, что происходило около них, и, таким образом, служили некоторого рода помехой для тех, которые действительно старались привести пользу.

Каждому, кто только не хочет действо-

вать на „авось“, необходимо иметь известный дар критики, а также и умение пользоваться им, для того, чтобы в состоянии различить что хорошо, а что плохо. И пользование этим даром должно привести вас к разрешению какой — нибудь проблемы и должно заставить вас поступать во всем резонно. Если критика должна ограничиться только критикой и всегда критикой, то это становится в конце концов скучным. Это скорее уже не качество, а стесняющий недостаток.

При изучении движения в прошлом, можно установить один факт, что множество товарищей пользовались формулами, которых они абсолютно не понимали. Хотя это и не препятствовало движению и сущности пропаганды, но если бы эти товарищи не опьянялись словами и лучше бы их поняли, можно было бы безусловно сделать гораздо больше, и даже осуществить то, что до настоящего времени остается только в области проектов.

Вот тот вопрос, который я представляю на обсуждение тех, кому в будущем удастся поставить на ноги „надлежащее“ и согласованное движение.

**

Но большая ошибка анархистов состояла в том, что достаточно было, как они полагали, подготовить ряды революционеров и объявить революцию, чтобы сделать возможным переход от существующего порядка к порядку нашего понимания. Раз революция была бы сделана, то представлялось бы широкое поле деятельности для устройства своей организации. Повторю, это была капитальная ошибка!

Революции, которые произошли вследствие войны, показали нам, что такие революции могли быть вполне победоносны только на один момент, но оставались совершенно неспособными изменить что нибудь в капиталистическом порядке и кончали тем, что уступали место последнему. Или же, как это случилось в России, что „диктаторы“ движения, сделавшись новыми правителями и, отказавшись от главнейших пунктов своей программы, очутились, благодаря многочисленным концессиям, в сообществе капиталистов,

образовав общество, которое числится „социалистическим“ только на бумаге, но на самом деле, продолжает применять те-же капиталистические приемы.

Между современным обществом и обществом будущего не должно существовать никаких лагун и пропастей, из опасения увеличения нужды и лишений вместо обещанных улучшений. Это вызывает лишь вражду среди многих.

Обыденная жизнь должна протекать без особенных встрясок. Чтобы иметь успех среди масс, революция должна дать им известное развитие благосостояния, а это возможно лишь при том условии, если производство будет идти своим нормальным путем и распределение продуктов производства будет происходить без всяких помех.

„Революционеры должны захватить в свои руки продовольствие!“ Это легко сказать и сделать, но это не есть разрешение вопроса. Грабеж вызывает беспорядок и неправильное и неравномерное распределение. Затем, как возместить все взятое из складов и магазинов, если только не придумают что нибудь новое в общественной структуре, чтобы таким образом заменить капиталистическую структуру?

Не будет-ли это приостановка лишь на короткое время, которая произойдет от этого „замыкания тока“ в общественной жизни? Это равносильно полному провалу революции.

С другой стороны, новая экономическая организация не может создаться в один день. Если, для создания таковой, потребуется известное время, пока революция окончательно не восторжествует, на первое время необходимо(как я уже говорил об этом выше) для производства и распределения продуктов оставить функционировать старые капиталистические организации, но поставить их в такие условия, которые будут для них гораздо губительнее, чем их быстрое уничтожение, — ибо цель революции в том, чтобы их разрушить.

Пользование этими организациями вызывает необходимость в услугах разных директоров, чиновников и служащих, которые

будут довольны своим положением и будут стараться во всю, чтобы сделать эти организации жизненными.

Если попытка организации не будет сделана в продолжение борьбы самими революционерами, т. е. теми, которые изучили проблему и приготовились к ней, то эта попытка будет иметь погрешности с самого основания, так как она будет делаться людьми, которые так или иначе войдут в роль правителей, управляющих, навязывающих свою точку зрения. Это уже не будет свободная инициатива масс. Вместо того, чтобы организоваться с самого основания, общество будет организовано сверху. А это всегда считается худшим.

Не надо забывать, конечно, что все попытки реорганизации общества неизбежно столкнутся со старой психологией, полученной в наследство от капиталистического устройства.

**

Не во время революции и не после победы ее надо думать об экономической организации нарождающегося общества, но с настоящего момента, даже в современном обществе, эта идея должна быть положена в основу нашей пропаганды...

И не с программами, уже выработанными теоретически, должны мы приступить к организации общества, какое мы хотели-бы иметь, но с готовой в нашем мозгу конструкцией общества, таким, каким мы его понимаем, образуя кадры людей, которые как только начнется революция, будут в состоянии приняться за дело, применяясь к новому порядку вещей, развивая свою деятельность, призывая к себе необходимую помощь, которая будет оказана им в возможной мере.

Без сомнения, некоторые сделают удивленные глаза при чтении этих строк и спросят себя: „не нахожусь ли я в состоянии бреда и не теряюсь ли я в утопических мечтах?“

Создавать экономическая анархическая группировки в современном обществе, не есть ли это проведение своих желаний в реальность?

Разумеется „да“: такие группировки могут служить основанием для экономической

организации анархического общества и могут прекрасно существовать при условиях современного общества. И это нужно организовывать так, чтобы власти не имели предлога вмешаться.

Когда-то, еще до дела 1894 г., один товарищ „монтрейльских вечеров“ и группы пропагандистов, основанной товарищем Мери, который был редактором журнала „Матейник“, издаваемого организацией „народных университетов“, которые создались благодаря дрейфусианской агитации, возымел мысль, не было бы-ли возможны организовать группу (автор этой идеи) из известного числа товарищей, снять какую-нибудь мастерскую, куда каждый мог бы приходить в свободные часы и работать по изготовлению каких-нибудь вещей по своему выбору — или для личного пользования или же для обмена на предметы, изготавливаемые его товарищами.

И наступил бы момент, когда каждый мог быть снабжен всем необходимым. И так как предвидели создание множества таких свободных мастерских, что при взаимном понимании возможно было распространять их повсюду, то можно себе представить, какая получилась бы сеть готовых центров производства и распределения предметов изготовления.

И когда настала бы революция, эти группы, приспособляясь, не преминули бы привлечь к себе новых членов, и основать таким образом базы для экономических сношений, как между группами, так и между отдельными личностями.

Но настал 94 г. и последовали массовые аресты. Товарищ X. был арестован. Вследствие создавшегося положения настали другие заботы. Вопрос об этом проекте больше не поднимался. Несколько раз, но без всякого успеха, я поднимал вопрос об этом существенном проекте, надеясь заинтересовать некоторых товарищей. Никто, до настоящего времени, не обратил на это должного внимания.

Позднее был предложен (и даже испробован но, я думаю, без успеха) другой проект.

Вопрос шел об установлении связи между товарищами различных районов для того,

чтобы посредством обмена приобретать предметы производства тех районов, где цены на них были дешевы.

Вышеуказанный проект имел бы то преимущество, что все участники пользовались бы известной выгодой даже при существующем порядке и в то же время, с самого начала революции, это послужило бы ядром для экономической организации будущего общества.

Когда пропагандисты поймут важность поднятого мною вопроса, возможно, что будут попытки осуществить эти проекты, предложения, может быть слишком рано, но к которым так или иначе придется прибегнуть, чтобы революция с самого начала не была обречена на неудачу.

И наконец, в третьем случае, существует еще одна форма организации, которая не может быть заменена капиталистической, в данном случае, я подразумеваю, кооперативы, в особенности потребительские, которые в настоящее время представляют из себя известную силу.

Многие из них потеряли свой социалистический дух, не отличаясь ничем от других капиталистических предприятий. В особенности, когда эти кооперативы распахнули свои двери для широкой публики, ищущей всегда случая купить дешевле и выгоднее. Но это уже дело пропаганды урегулировать этот вопрос надлежащим образом. Анархисты делают большую ошибку, предав забвению кооперативный вопрос.

С самого начала революции, кооперативы могут сыграть очень полезную роль в организации общества будущего, благодаря тем взаимоотношениям, которые они могут создать. Было бы печально отвергать этот факт. Без сомнения, что могут произойти некоторые изменения в основе этих организаций, но эти изменения будут сделаны заинтересованными лицами, когда они почувствуют в этом необходимость.

Например, какаянибудь кооперативная организация пыталась бы приобрести для нужд своих членов продукты по дешевой цене; вполне ясно, что в обществе будущего

такая попытка была бы совершенно напрасной, так как торг и деньги совершенно исчезнут из употребления. Как же поступить в данном случае? Очень просто: для этой цели будет организован транспорт продуктов из тех районов, где их большое изобилие в те районы, где в них будет ощущаться недостаток.

Далее, нельзя ожидать, чтобы с самого начала новое общество было бы совершенно сконструировано. Это невозможно. Прежде всего необходимо будет позаботиться, чтобы само производство и распределение продуктов производства не прекращались. Всекие изменения и дополнения выяснятся сами собой во время процесса развития общества.

Важно то, чтобы новая организация была создана людьми, неразрывно связанными с массами, но ни в коем случае, чтобы эта организация пришла сверху, по вдохновению людей, имеющих ту или иную власть.

Ж. Грав

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ. В следующем номере нашего журнала появится статья Жана Грера "Об индивидуализме и индивидуальностях."

ДРУЗЬЯМ.

Свобода — мать, а мы — Свободы дети,
Не потому-ль, друзья, не потому-ль
Среди насильем скованных столетий
Теряем жизнь, как беспредметный ноль?
Ну, как нам жить? к чему нам прислониться?
К лохмотьям нищих или к шелкам порфир?
Трепетет мысль подстрелянною птицей,
Тюрьмою кажется ей угнетенный мир.
О жалкий мир, где громко звонят цепи,
А на спинах узоры шьет кнут!
Как смеет он, угрюмый и незелый,
Нас предавать мучительному сну?!
Друзья! в борьбе раскроем шире очи,
Пусть каждый станет дерзостен и смел!
Среди глухой невозможной ночи,
Вить может, нам мелькнет Свободы яркий свет.

Не дрогнем же под яростною плетью!
Бичуя тех, кто в сердце холит жир,
Друзья, друзья, за позлащенной сетью
Увидим ли освобожденным мир?!

Анатолий Консе.

М. И. СУК.

АНАРХИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

(К 19-ой годовщине со дня его смерти)

Л. Н. Толстой занимает в русской литературе исключительное, выдающееся положение. Ни один из русских писателей, кроме разве Ф. Достоевского, не создал себе такой популярности и славы, какими пользуется Толстой. И эта известность Толстого, распространность его произведений и влияния на читающую публику, на общественную мысль вообще, не ограничилась пределами одной России. Слава о Толстом пошла по всей земле: по всем долготам и широтам заговорили о новом великом писателе, о новом пророке, появившемся в загадочной русской земле. Его произведения переводились почти на все языки, и благодаря тому, что в самой России не все они могли быть напечатаны по цензурным условиям, многие из них становились известными только иностранной публике и были не доступны для русского читателя.

С появлением произведений Л. Н. Толстого окончательно рассеялось высокомерное отношение европейцев к русской культуре, и за нею прочно и бесповоротно были признаны права гражданства в культурной семье человечества. В Европе поняли, что Россия из младенческого духовного состояния перешла в зрелой возраст и способна не только заимствовать у других, но сама творить и дарить миру бессмертные культурные ценности.

Толстой родился в эпоху, ознаменовавшуюся рядом весьма важных исторических событий, сыгравших решающую роль в судьбах России. Восстание декабристов более 100 лет тому назад, в резкой форме поставило на очередь два самых главных и коренных вопроса русской жизни, не вполне и окончательно разрешенных еще до настоящего времени — быть ли России рабской, крепостной и бесправной страной, или вольной, свободной и не подчиняющейся никакой власти.

Александр I разгромил декабристов: их постигла страшная расправа, и лишь немногим участникам удалось избежать карающей руки кровожадного царя. Но идеи декабристов оставались живы и вдохновляли пришедшие на смену декабристам поколения на новые подвиги, на новые схватки.

Известно, например, что Герцен и Огарев, будучи 11 летними мальчиками, дали клятву отомстить царю за декабристов. И они действительно сдержали эту клятву и до самой своей смерти вели борьбу против самодержавия. В эту борьбу были вовлечены тыся-

чи подобных Герценов и Огаревых. Царизм, со времени декабристов, подвергается беспрерывным атакам со стороны культурных, лучших русских людей.

Почти все произведения наших лучших русских писателей своим острее направленным против позорного крепостного права, против бесчеловечного обращения с крепостными, против бесправия русского народа, против самодержавного строя.

Русская литература сыграла весьма важную роль в освобождении крестьян от крепостной зависимости. Она разбудила совесть даже у самих крепостников, она создала в обществе настроение против крепостничества, она вдохновляла на борьбу с этим позорным рабством и если оно пало, то не по добродушию Александра II и не по милосердию помещиков, а под неудержимым напором передовой мыслящей части русского общества, находившегося под влиянием освободительных идей, которыми была проникнута русская литература.

Л. Н. Толстой не мог, разумеется, оставаться вне этих веяний времени. Известно, например, что еще в ранней молодости, когда ему было 19 лет, оставив учение в университете, он поселился на время в Ясной Поляне и делал попытки улучшить быт своих крепостных, из которых, однако, ничего путного не получилось, и об этом Толстой впоследствии рассказал нам в повести „Утро помещика“.

Толстой оставляет эти бесплодные попытки и в течение следующих 4-х лет ведет разгульную, беспутную жизнь молодого аристократического повеса. Он бежит от этой жизни на Кавказ, поступает на военную службу и мечтает о генеральском чине, о Георгиевском кресте, о военной карьере.

Кавказ, вдохновлявший Пушкина и Лермонтова, пробудил в Толстом писательский талант, благодаря он посылает свой первый рассказ „Детство“, напечатанный в „Современнике“ в 1852 году и сразу создавший Толстому славу первостепенного писателя. Неугомонная натура Толстого ничем не удовлетворяется: она ищет бурь и новых приключений. В Крымскую войну Толстой переводится на фронт, принимает участие в самых опасных боях, участвует в защите страшного четвертого бастиона в Севастополе.

С окончанием Крымской кампании Толстой оставляет военную службу в чине поручика

и навсегда расстается с мыслью о военной карьере. Он всю свою жизнь относит враждебно к войне, человекоубийству, военным, и военное искусство считает величайшим злом и грехом.

Поощряемый Тургеневым, Гончаровым, Некрасовым, Толстой всецело отдается литературной работе.

Поездка Толстого за границу еще более утвердила его в отрицательном отношении к европейской цивилизации, создающемуся под влиянием Руссо.

Развращенность сытого буржуа, его бессердечие и отсутствие всякого сострадания к нужде и горю других людей не могли не произвести на Толстого отталкивающего впечатления. Это чувство возмущения европейской бездушной цивилизацией Толстой выразил в своем рассказе „Люцерн“. В нем повествуется о том, как русский путешественник Нехлюдов, возмущенный отказом группы английских туристов бросить несколько копеек уличному певцу, приглашает его, к великому негодованию англичан, в ресторан швейцарского отеля и угощает шампанским.

В бытность Толстого за границей он посетил Ауэрбаха, автора Шварцвальдских рассказов из крестьянской жизни, и французского анархиста Прудона, жившего тогда в изгнании в Брюсселе. Сейчас же, после освобождения крестьян, Толстой возвращается в Россию, принимает должность мирового посредника и устраивает свободную школу для крестьянских детей. Это был очень смелый и поучительный педагогический опыт свободного, без всякого принуждения школьного образования.

В школе Толстого воля ученика не подавляется учительским авторитетом и учитель лишь помогает детям изучать те науки, к которым у них имеется интерес и склонность.

Подобная система анархического свободного воспитания детей не могла встретить одобрения со стороны правительства, и Толстой подвергается преследованию. В его отсутствие жандармы был произведен обыск в доме. Они обшарили каждый уголок, копались в интимных письмах, дневниках и перепугали на смерть старую тетку Толстого.

Толстой был глубоко потрясен и возмущен всем этим. Школу пришлось закрыть, так как жандармы угрожали новым обыском. Толстой даже намерен был навсегда эмигрировать в Лондон, и предупредил Александра II через графиню А. А. Толстую, что он держит при себе заряженный револьвер и застрелит первого же полицейского, который осмелится войти в его дом. И если Толстого перестали беспокоить и его не постигла участь

всех других мужественных людей, осмелившихся прекословить и не повиноваться самодержавному правительству, то только потому, что Толстой был уж слишком известным писателем в России и преследование писателя — графа — потомка со стороны матери великого князя Михаила Черниговского, замученного в Орде и со стороны отца — графа Петра Андреевича Толстого, любимца Петра Великого, начальника тайной канцелярии, поимки паревича Алексея — могло произвести весьма неблагоприятное впечатление как за границей, так и в русских аристократических сферах, с которыми приходилось считаться даже самодержавному царю.

Гений Толстого был сохранен для блага России и всего человечества, и не погиб преждевременно, как это случилось со многими другими выдающимися русскими писателями, поэтами и философами, ушедшими в могилу в молодости, в расцвете духовных сил и творчества.

В 1862 году Л. Н. Толстой женился на дочери московского врача Берса. Молодожены уехали в Ясную Поляну и здесь прожили почти безвыездно около 20 лет.

Толстой любил жену, и со стороны казалось, что семейная жизнь Толстых счастлива и безоблачна. Но в самом деле это было не так.

В первые годы семейной жизни Толстой действительно увлекается семейными интересами. Как и каждый хороший отец семейства, он заботится больше всего на свете о благосостоянии своей семьи, о преумножении своего богатства. По свидетельству близких людей его больше всего тревожит мысль о том, каковы его семья не пошла по миру, т. е. не обеднела бы и не лишилась своего состояния.

Толстой превращается в заботливого хозяина. Он старается увеличить свои владения, свои богатства: приобретает имение в другой губернии, устраивает конный завод, разводит заводских свиней и ухаживает за ними, по словам толстовской гувернантки, как за своими детьми.

В то же самое время Толстой предается усиленному литературному творчеству. И на свою литературную работу Толстой тоже смотрит как на источник дохода, как на увеличение своего богатства, которое нужно ему для обеспечения своей, ставшей уже многочисленной, семьи.

Но все это только лицевая, казовая сторона жизни Толстого.

В наружно счастливым Толстым, всецело поглощенном заботами о счастье своей семьи, не уничтожен червь сомнения, не заглушен

голос совести, напештывающий ему о том, что в его личной жизни, в жизни его семьи и во всем общественном устройстве есть какие-то страшные пропасти, прорывы, которых нельзя обойти молчанием, от которых невозможно отделаться искусными софизмами.

И в художественных произведениях Толстого, его не оставляют старые и вечно новые вопросы: о смысле человеческой жизни, о смерти и бессмертии, о любви, Боге и грехе, об обязанностях к самому себе и другим людям, о справедливом общественном устройстве и т. п.

В ранних своих произведениях, а особенно в „Казаках“ Толстой выступает с проповедью тишеты человеческих знаний, слияния с природой и эгоизма — индивидуализма. Его кавказский герой Оленин не признает „ни физических, ни моральных оков; он все мог сделать, и ничего ему не нужно было и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни ни отечества, ни веры, ни нужды. Он ни во что не верил и ничего не признавал. Он любил до сих пор только себя одного и не мог не любить, потому что ожидал от себя одного хорошего и не успел еще разочароваться в самом себе“.

Другой герой Толстого — старый казак Ерошка развивает такую философию:

„Люди живут, как живет природа: умирают, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, кроме тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет... Сдохнешь — трава вырастет, вот и все“.

О себе Ерошка говорит: „Я — молодец, пьяница, вор, охотник. Я человек веселый, я всех люблю, я — Ерошка!“.

По поводу вражды татарских мул с русскими староверами Ерошка говорит:

„По моему, все одно. Все Бог сделал на радость человеку. Ни в чем греха нет. Хоть с зверя пример возьми. Он и в татарском камыше, и в нашем живет, что Бог дал, то и лопает. А наши говорят, что за это будем сквороды лизать. Я так думаю, что все одна фальшь. Сдохнешь — трава вырастет, вот и все“.

В порыве пантеистического обожания, прилежниваясь к жуужанию комаров, Оленин думает:

„Каждый из них такой-же особенный Дмитрий Оленин, как и я сам.“ — „И ему ясно стало, что он несколько не русский дворянин, член московского общества, друг и родня того-то и того-то, а просто такой же комар, или такой же фазан, или олень, как и те, которые живут теперь вокруг него: „Так же, как они, как дядя Елошка, поживут и ум-“

рут. И правду он говорит: только трава вырастет“.

Но Толстой нам открывает у Ерошки и Оленина присутствие иных, не эгоистических чувств — чувства любви и сострадания. У Ерошки появляется жалость к бабочкам, летящим на огонь, и он отгоняет их своими толстыми пальцами от огня — жалеет их, а, следовательно, любит, спасает от смерти.

У Оленина тоже проявляется мысль о любви, самоотвержении:

„Не стоит жить для себя, надо жить для других“.

Чувство любви к себе приходит в столкновение с чувством любви к другим, и Оленин желает убедить себя, что „Самоотвержение — все это вздор, дичь. Это все гордость, убеждение от заслуженного несчастья, спасение от зависти к чужому счастью. Жить для других, делать добро! Зачем? Когда в душе моей одна любовь к себе.“

Еще в ранней молодости Толстого занимает вопрос о смерти. По поводу смерти своего брата Николая, умершего у него на руках за-границей, Толстой пишет Фету в 1860 году:

„20 сентября он скончался на моих руках, в буквальном смысле слова. Никогда в жизни ничто не производило на меня такого впечатления. Он был прав, когда говорил мне, что ничего нет хуже смерти, и если подумать, что, в конце концов смерть есть неизбежный конец всего живущего, то приходится сознаться, что нет ничего хуже жизни. К чему все заботы, если в конце концов, от того, чем был некогда Николай Николаевич Толстой, ничего не останется? Он никогда не говорил, что чувствует близость смерти, и, однако, я знаю, что он следил за каждым шагом и прекрасно знал, сколько времени ему еще остается жить. За несколько минут до смерти он задумался. Вдруг он вскочил и с ужасом прошептал: „Что это?“ Он увидел свой переход в ничто. И если он не знал, за что удержаться, что-же я найду? Конечно, еще меньше.“

В „Исповеди“ Толстой пишет:

„Можно жить только покуда пьян жизнью, а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что это — только обман, и глупый обман. Не пынче — завтра придут болезни, смерть на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей“.

Нельзя, хотя-бы вскользя, не остановиться на художественном шедевре Толстого — „Война и Мир“, создавшем ему всемирную известность.

Первоначально у Толстого зародилась мысль написать роман „Декабристы“. Но

декабристское восстание, как известно, было тесно связано и явилось результатом „Отечественной Войны“. Толстому пришлось расширить размеры первоначального плана, и изучить эпоху отеч. войны, предшествовавшую „Декабристам“. Собранные им исторические материалы оказались колоссальными и их художественная обработка вылилась в огромное IV-х томное произведение. Оно в полном объеме охватывает эпоху, заканчивающуюся зарождением декабристского движения.

„Война и Мир“ — величайшее художественное произведение и в русской литературе нет ему ничего равного. От него нельзя оторваться, оно захватывает читателя до самозабвения, оно потрясает и волнует до боли и слез. Перед читателем с необычайной яркостью оживает знаменитая эпоха „Отечественной войны“, воскресают покойники, картины грандиозных битв и событий, он невольно вовлекается в них и чувствует себя одним из действующих лиц этой великой драмы, в которой гибнут миллионы людей, исчезают королевства, города и целые страны.

В „Войне и Мире“ Толстой противопоставляет философию масс философии героев, которые, по общепринятому мнению, всегда руководят толпой и направляют ее коллективную волю на совершение хороших или плохих дел.

Толстой в „В и М“ проводит противоположную точку зрения, и в его изображении главные лица „Отеч. войны“ — Наполеон, Кутузов, Багратион и другие „герои“, вовсе не герои и не руководители толпы, массы, а лишь незначительные фигуры, деятельность, распоряжения и воля которых не оказывают почти никакого влияния на ход сражений и событий, тот или иной исход которых очень часто зависит от случайных, непредвиденных обстоятельств вроде насморка у Наполеона, испуга лошади, панического бегства одного солдата, передающегося отряду и даже целой армии.

**

Уже в 50-ти летнем возрасте, когда у Толстого была всемирная слава, богатства, большая семья (у него было 13 детей), когда, казалось, осуществились все пожелания человеческого, у него назревает душевный кризис. „Ну, а дальше что?“ — задает себе вопрос Толстой, и не находит на него ответа. Все достигнуто, все есть и больше желать нечего. Что-же дальше? — неотступно преследует этот вопрос Толстого.

Утрачивается смысл жизни и дальнейшего существования; из под ног Толстого ускользает почва и он носит ее с мыслью о самоубийстве.

Толстой, однако, оказался достаточно сильным, чтобы удержаться от этого шага. Поиски нового смысла жизни приводят его к сознанию ложности своей барской жизни и к убеждению, что правда заключается в простой крестьянской жизни, в снискивании себе пропитания своим трудом. Он решает отречься от своей прежней жизни, которая представляется ему несправедливой и бессмысленной.

На вопрос: „Что-же должен делать человек?“ Толстой отвечает:

Он должен точно так же добывать жизнь, как и животные, но с тою только разницей, что он погибнет, добывая ее один, — ему надо добывать ее не для себя, а для всех“.

„Я не только не добывал жизни для всех, я и для себя не добывал ее. Я жил паразитом, и спросив себя зачем я живу — получил ответ: ни зачем“.

И Толстой начинает жить не для себя одного, не для своей семьи, а для всех. Для „всех“ у Толстого означает жить для тех, кто не паразитствует, кто не барствует, не пользуется трудом других людей, а добывает себе пропитание и кров в поте лица своего, своими собственными руками, работая на земле, как это делают миллионы русских крестьян.

Он решает опроститься, вести трудовую крестьянскую жизнь, подражает во всем крестьянам и даже перенимает православную веру. Он находит в поле, ревностно посещает церковь, вместе с богомольцами ходит по святым местам.

Весть о превращении графа Толстого — известного писателя, аристократа и богатого помещика в мужика произвела необычайное впечатление в России и за-границей. Правительство опять усмотрело в этом явлении „подрыв“ самодержавного строя.

Оно настолько было испугано опрощением Толстого, что распорядилось снять с выставки картину известного художника Репина „Толстой за плугом“.

На опрощение Толстого нельзя смотреть, как на какую-нибудь причуду, или новое развлечение избалованного барина. Это превращение барина в мужика имеет глубокое символическое значение. Это даже нечто более важное и знаменательное, нежели протест против развращающей современной цивилизации.

Это опрощение символизирует столкновение двух миров, двух стихий — дворянской, аристократической с крестьянской, рабочей, в котором мужик побеждает барина-аристократа. Это превращение символизирует духовное банкротство самодержавного строя, осно-

важного на господстве дворянского, бюрократического и церковного сословий. Толстой чувствует вопиющую неправду, пустоту и обреченность этого строя и капиталистической цивилизации вообще, он решительно и бесповоротно порывает с барством, с городской цивилизацией, и уходит в крестьянский мир, сознавая, что правда жизни не на верхах, не в городе, а в деревне, в народных низах.

Мир может держаться только на правде и на лжи не устоит. Толстой предвидит неизбежность крушения и гибели дворянско-самодержавного строя. Он верит в земной суд и воздаяние. В книге „Так что же нам делать?“, написанной 43 года назад в 1886 г., Толстой, обращаясь к господствующим классам, пишет:

„Как ни стараемся мы скрыть от себя простую, самую очевидную опасность истощения терпения тех людей, которых мы душим, как ни стараемся мы противодействовать этой опасности всякими обманами, насилиями, задибываниями, опасность эта растет с каждым днем, с каждым часом и давно уже угрожает нам, а теперь назрела так, что мы чуть держимся в своей лодке над бушующим уже и заливающим нас морем, которое вот вот гневно проглотит и пожрет нас. Рабочая революция с ужасами разрушений и убийств не только грозит нам, но мы на ней живем вот уже лет 30 и только пока, кое-как разными хитростями, на время отсрочиваем взрыв ее. Таково положение в Европе, таково положение у нас и еще хуже у нас, потому что оно не имеет спасательных клапанов.

Давящие народ классы, кроме царя, не имеют теперь в глазах нашего народа никакого оправдания; они держатся все в своем положении только насилием, хитростью и опортунизмом, т. е. ловкостью, но ненависть в худших представителях народа и презрение к нам в лучших — растут с каждым часом.

В нашем народе в последние три года вошло в общее употребление новое, многозначительное слово; словом этим, которого я никогда не слыхал прежде, ругаются теперь на улице и определяют нас — „дармоеды“.

Ненависть и презрение угнетенного народа растут, и силы физические и нравственные богатых классов слабеют; обман, которым держится все, изнашивается, и утешать себя в этой смертной опасности богатые классы не могут уже ничем.

Возвратиться к старому нельзя; возобновить разрушенный пресиж нельзя; остается одно для тех, которые не хотят переменить свою жизнь, — надеяться на то, что на мою жизнь хватит, а после, как хотят.

Так и делает слепая толпа богатых клас-

сов; но опасность все растет, и ужасная развязка приближается“...

Так говорил Толстой 43 года назад, когда многих из нас может быть еще не было на этом свете. И его слова оказались пророческими: „лодочка“ богатых классов, по крайней мере, в России, действительно, пошла ко дну. Сбудутся его и остальные пророчества: погибнет и весь капиталистический мир.

В той же самой книге „Так что же нам делать?“ Толстой дает ряд потрясающих описаний и рассуждений, вызванных его участием в московской перенесении населения босяцкой части столицы и неудачными попытками разрешить социальный вопрос посредством благотворительности.

„Кто такой я, — пишет Толстой, — который хочет помогать людям? Я хочу помогать людям и я, встав в 12 часов после винта с 4 свечами, расслабленный, изнеженный, требующий помощи и услуг сотен людей, прихожу помогать кому же? Людям, которые встают в пять, спят на досках, питаются капустой с хлебом, умеют пахать, косить, насаждать топор, тесать, запрягать, шить, — людям, которые и силой и выдержкой, и искусством, и воздержностью во сто раз сильнее меня, и я им прихожу помогать! Что же, кроме стыда, я мог испытывать, входя в общение с этими людьми. Самый слабый из них — пьяница, житель Ржанова дома тот, которого они называют лентяем, во сто раз трудолюбивее меня; его баланс, так сказать, т. е. отношение того, что он берет от людей, и того, что дает им, стоит в тысячу раз выгоднее, чем мой баланс, если я сочту, что я беру от людей и что даю им.

И этим то людям я иду помогать. Я иду помогать бедным. Беднее меня нет ни одного. Я весь расслабленный, ни на что не годный паразит, который может только существовать при самых исключительных условиях, который может существовать только тогда, когда тысячи людей будут трудиться на поддержание этой никому не нужной жизни. И я то, вошь, пожирающая лист дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и хочу лечить его“.

Я всю свою жизнь провожу так: ем, говорю и слушаю. Ем, пишу, или читаю, т. е. опять говорю и слушаю; ем играю; ем, опять говорю и слушаю; ем и опять ложусь спать; и так каждый день, и другого ничего не могу и не умею делать. И для того, чтобы я мог это делать, нужно, чтобы с утра до вечера работали дворник, мужик, кучера, повара, лакей, кухарка, прачка; не говорю уже о тех работах людей, которые нужны для того, чтобы эти

кучера, повара, лакеи и прочие имели те орудия и предметы, которыми и над которыми они для меня работают, топоры, бонки, щетки, посуда, мебель, стекла, ваксу, керосин, сено, дрова, говядину. И все эти люди тяжело работают целый день и каждый день для того, что бы я мог говорить, есть и спать. И я-то, этот убогий человек, вообразил себе, что я могу помогать другим и тем самым людям, которые кормят меня“.

(„Так что-же нам делать?“)

А вот еще одна картинка, нарисованная Толстым в той-же самой книге, вскрывающая лицемерие и инскритство благотворительности

„Случай, — рассказывает Толстой, — был такой: я говорил уже о двух мужиках, с которыми я третьего года пилил дрова. Один раз вечером в субботу, сумерками, я пошел с ними вместе в город. Они шли к хозяину получать плату. Подходя к Драгомиловскому мосту, мы встретили старика. Он попросил милостыни, и я дал ему 20 коп. Я дал и подумал о том, как моя милостыня должна хорошо подействовать на Семена, с которым мы говорили о божественном. Семен, тот владимирский мужик, у которого была в Москве жена и двое детей, остановился тоже, заворочил полу кафтана и достал кошель и из кошелька достал три копейки, дал их старику и спросил две копейки сдачи.

Старик показал на руке две трехкопеечные и одну копейку. Семен посмотрел, хотел взять копейку, но потом раздумал, снял шапку, перекрестился и пошел, оставив старику три копейки. Я знал все имущественное положение Семена. У него не было дома, и не было никакой собственности. Денег он сбил по тот день, в который он подал 3 копейки, 6р. 50 коп. Стало быть, 6р. 50 коп. было все его сбережение. Мое сбережение равнялось приблизительно 600-м тысячам. У меня были жена и дети. Он был моложе меня, и детей у него было меньше, но дети у него были малые; у меня-же уж было двое в возрасте работников так что наше положение, кроме сбережения было равное, пожалуй, даже мое — несколько выгоднее. Он дал 3 коп., я дал 20 коп., что-же дал он и что я? Что-бы я должен был дать, чтобы сделать то, что сделал Семен? У него было 600 копеек; он дал из них одну и еще две. У меня было 600 тысяч. Чтобы дать то, что Семен, мне надо было дать 3000 рублей и попросить 2000 сдачи и, если-бы не было сдачи, оставить и эти 2 тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о том, как живут на фабриках и почему печенка на Смоленском“...

В этих замечательных рассуждениях Толстой доходит до крайней степени самообличения.

Он с неумолимой логичностью доказывает, что нельзя помочь бедняку, бросая ему копейки, в то время, как он, Толстой, остается обладателем более, нежели полумиллионного состояния. Здесь нужно что-то более решительное и радикальное.

И перед ним встает новый вопрос — почему существуют бедняки. А потому, что существуют бездельники богачи, захватившие землю, богатства. На каждого паразита — богача, отвечает Толстой словами древнего китайского мудреца, приходится один умирающий с голоду бедняк. И один-ли только?

Исследуя причины социального неравенства, несправедливости и бедности, Толстой приходит к выводу, что все это зло порождается общественным устройством, основанным на порабощении одного человека другим. Толстой различает три способа порабощения три винта, которыми прижимаются наложенная на рабочих и давящая их доска.

Первый винт, — говорит Толстой, — это винт личного рабства, порабощения одних людей другими посредством угрозы убийства мечом; второй винт, закручивающийся уже после первого, — порабощение людей отнятием земли и запасов пищи — отнятие, поддерживаемое личной угрозой убийства; и третий винт — это порабощение людей посредством требования денежных знаков, которых у них нет, поддерживаемое тоже угрозой убийства. Все три винта закручены и, когда туже натягивается один, тогда только слабеют другие. Для полного порабощения рабочего необходимы все три винта, все три способа порабощения, и в нашем обществе употребляются всегда три способа порабощения, всегда закручены все три винта“.

Толстой указывает на существование во всех странах личного рабства.

„Мы все очень наивно уверены, что рабство личное уничтожено в нашем цивилизованном мире, что последние остатки его уничтожены в Америке и России, а что теперь только у варваров есть рабство, а у нас его нет. Мы забываем только про маленькое обстоятельство, про те сотни миллионов постоянного войска, без которого нет ни одного государства, и при уничтожении которого неизбежно рухнет весь экономический строй каждого государства. А что-же эти миллионы солдат, как не личные рабы тех, кто ими управляет? Разве эти люди не принуждены к исполнению всей воли своих владельцев под угрозой изгнаний и смерти, угрозой, так часто приводимой в исполнение? Разница только

в том, что подчинение этих рабов называют не рабством, а дисциплиной, и что те были рабами от рождения до смерти, а эти более или менее короткое время так называемой их службы. Рабство личное не только не уничтожено в наших цивилизованных обществах, но с общей воинской повинностью оно усилилось в последнее время и, как оно было всегда, так и теперь остается, только несколько изменилось. И оно не может не быть, потому что покуда будет порабощение одного человека другим, — будет и это личное рабство, то, которое угрозой мечом поддерживает земельное и податное порабощение людей. Может быть, что это рабство, т. е. войско, очень нужно, как говорят, для защиты и славы отечества, но эта польза его более чем сомнительна, потому что мы видим, как оно часто при неудачных войнах служит для порабощения и посярмления отечества; но совершенно несомненно целесообразность этого рабства для поддержания земельного и податного порабощения. Завладей прландцы или русские мужики землями владельцев, и придут войска и возымут их назад. Построй винный или пивоваренный завод и не плати акциза, придут солдаты и прекратят завод. Откажись платить подати — будет то-же“.

Толстой отвергает и осуждает государство, правительственную власть.

„Правительства, — пишет он, — т. е. люди вооруженные и насилюющие, решают, что им нужно от тех, которых они насилюют; как англичане по отношению к фиджанцам, они решают, сколько им нужно работы с своих рабов, решают, сколько им нужно помощников для создания этой работы, организуют своих помощников в виде солдат, в виде земельных собственников и в виде сборщиков податей. И рабы отдают свой труд и вместе с тем верят, что они отдают его не потому, что этого хотят их хозяева, а потому, что для их свободы и для их блага необходимо служение и кровавые жертвы божеству, называемому „государством“, а что, кроме этого служения божеству, они свободны.

Они верят в это потому, что так говорили прежде: религия, жрецы, а теперь говорят наука — люди ученые. Но стоит только перестать слепо верить тому, что говорят другие люди, называя себя жрецами или людьми учеными, для того, чтобы нелепость такого утверждения стала очевидна. Люди, насилюющие других, уверяют их, что насилие это необходимо для государства; государство же необходимо для свободы и блага людей: — выходит, что насилюющие люди насилюют людей для их свободы и делают им зло для их блага. Но

люди па то и разумные существа, чтобы понимать, в чем их благо, и свободно делать его“.

Все зло в рабстве, в насилии. „Если течет ведро, — говорит Толстой, — то наверно есть в нем дыра. Глядя на дно ведра, нам может казаться, что вода течет из разных дыр; но сколько-бы мы ни затыкали этих восбразжаемых дыр снаружи, вода все будет течь. Чтобы остановить течение, надо найти то место, в которое уходит вода из ведра, и затыкнуть его изнутри. То-же самое надо сделать и с препологаемыми мерами для прекращения неправильного распределения богатств, для затыкания тех дыр, через которые уходит богатство от народа. Говорят: устройте корпорации рабочих, сделайте капитал общественной собственностью, сделайте землю общественной собственностью! Все это — только затыкание снаружи тех мест, из которых нам кажется, что течет вода. Чтобы остановить утеkanie богатств из рук рабочих в руки нерабочих, нужно найти изнутри ту дыру, через которую происходит это утеkanie. Дыра эта есть насилие вооруженного над безоружным, насилие войска, посредством которого отбираются и самые люди от труда, и земля от людей и произведения труда людей. Покуда будет один вооруженный человек с признанием за ним права убить какого бы то ни было другого человека, до тех пор будет неправильное распределение богатств, т. е. рабство“.

А вот еще одно суждение Толстого о государстве.

„Нет деятельности государственной и общественной, которая не считалась-бы очень многими людьми — вредом; нет учреждения, которое не считалось бы вредным: суды, банки, земства, волостные правления, полиция, духовенство, всякая деятельность государственная от высшей власти до урядника и городского, от архиерея и до дьячка признается одной частью людей — полезною, другой частью — вредною. И это происходит не в России только, но во всем мире, и во Франции и в Америке.

Вся деятельность республиканской партии считается вредной — радикальной партией, и обратно: вся деятельность радикальной партии, если власть в ее руках, считается вредной — республиканской партией и другими.

Но жалею того, что всякая деятельность государственных людей никогда не признается полезной всеми людьми — деятельность эта имеет еще то свойство, что всегда должна быть произведена насильственно и что для достижения этой пользы необходимы: убийства, казни, остроги, насильственные подати и др.

Оказывается, стало быть, что кроме того, что польза государственной деятельности не признается всеми людьми и отрицается всегда одной частью людей, польза эта имеет свойство всегда выражаться насилем. И потому польза от государственной деятельности не может быть подтверждена тем, что она признается теми людьми, для которых она производится.

Спросим самих государственных людей от царя до городского, от патриарха до дьячка, прося искреннего ответа.

Все они, занимая свои должности, имеют ли в виду ту пользу, которую они желают принести людям, или другие цели?

В желани их занять место царя, президента, министра или станового, дьячка, учителя — побуждаются ли они стремлением к пользе людей или к своей личной выгоде?

И отсюда добросовестных людей будет тот, что главное побуждение их — личная выгода.

Что-же подтверждает то предположение, что государственная деятельность полезна людям?

Только то, что те люди, которые ее производят, твердо верят, что она полезна, и то, что деятельность эта всегда существовала; но существовали всегда очень не только бесполезные, но и вредные учреждения, как рабство, проституция и войны. Люди промышленные — разумея под этим и торговцев, и фабрикантов, и железнодорожников, и банкиров и землевладельцев, — верят в то, что они приносят пользу, выкупающую несомненно приносимый ими вред.

„Так что-же нам делать? На этот вопрос Толстой отвечает так:

„...Прежде всего не нужно делать тех несчастий, которым я хочу помогать, т. е. не участвовать в порабощении людей“.

„...Что для того, чтобы не производить страданий и разврата людей, я должен как можно меньше пользоваться работой других и как можно больше самому работать... Я пришел к тому простому и естественному выводу, если я жажду ту замученную лошадь, на которой я еду, то первое, что я должен сделать, если я точно жажду ее, это слезть с нее и идти своими ногами“.

И дальше Толстой, повторяя ответ Иоанна Крестителя и Христа на вопрос: что нам делать?, говорит: „не иметь больше одной одежды и не иметь денег, т. е. не пользоваться трудами других, и потому прежде всего делать своими руками все, что мы можем сделать“.

Толстой, как было сказано выше, заранее предвидел, предсказал и предупреждал богатые классы о неизбежности революции

в России. Он дождал до первой русской революции 1905 года, и разыгравшиеся события побудили его написать статью „О значении русской революции“.

В этой статье Толстой развивает взгляды на революционные политические перевороты в общих чертах сходные со взглядами анархистов. Расходится он с революционерами вообще в вопросе о революционном насилии, которое он отвергает как нецелесообразное средство, предпочитая ему пассивное сопротивление и борьбу, не носящую характера физического насилия.

Общим у Толстого с анархистами во взглядах на революцию является отрицательное отношение к политическим переворотам, заканчивающимся обыкновенно заменой одного правительства другим, или одной власти другой. А так как всякая власть основана на насилии, то, по Толстому, она является злом, против которого надо восставать, бороться.

Толстой против всякой власти. Его опекачивает то обстоятельство, что русская революция встала на ложный, западно-европейский путь борьбы с властью для того, чтобы передать ее в руки народа и отравить ядом власти еще не развращенный русский народ.

Толстой указывает на то, что во „Франции вирождение 70 лет было 11 перемен власти: Бурбоны, Конвент, Директория, Бонапарт, империя, опять Бурбоны, Республика, опять Бонапарт, Республика, Людовик Филипп, опять республика, опять Бонапарт, опять республика. Замена старых властей новыми совершалась и среди других народов, хотя и не с такой быстротой и резкостью, как во Франции. Замены эти большею частью не улучшили положения народов, и потому люди, совершавшие эти замены не могли не прийти к мысли о том, что бедствия, испытываемые ими, происходят не столько от свойства лиц, пользующихся властью, сколько от того, что существует власть немногих над многими. И потому люди старались обезвредить власть ограничением ее. И ограничение это, в виде выборных сословных палат, было введено в различных государствах.

Но все эти меры сделали только то, что граждане этих государств, все более и более участвуя во власти и отвлекаясь от серьезных занятий, все более и более развращались. Бедствия же, от которых страдают народы, остались совершенно те-же, как при конституционных, монархических, так и при республиканских правительствах с референдумами и без них.

Если один человек, с помощью своих сотрульников, управляет всеми, то это несправед-

ливо и все вероятия за то, что управление этого одного будет вредно для народа. То-же самое будет и при власти меньшинства над большинством.

Власть же большинства над меньшинством так же не обеспечивает справедливости управления, так как нет никаких оснований полагать, что большинство людей, участвующих в управлении, разумнее того меньшинства, которое уклоняется от участия в управлении.

Распространение же участия в управлении на всех как это могут сделать еще более распространенное право референдума и инициативы, сделает только то, что все будут бороться со всеми.

Власть одного человека над другим, основанная на насилии, в источнике своем есть зло, и потому никакое устройство, удерживающее право насилия человека над человеком, не может сделать того, чтобы зло перестало быть злом.

И потому во всех народах, как бы они ни управлялись, самими деспотическими или самими демократическими правительствами одинаково остаются все главные и основные бедствия народов: те же все возрастающие огромные бюджеты, те-же враждебные отношения с соседями, требующие военных приготовлений и войск, те-же подати, те-же монополии правительственные и частные, и то же лишение народа права пользования землей, отданной в собственность частным землевладельцам; те-же поработанные народности, та же постоянная угроза войн и те-же войны, истребляющие жизнь людей и подрывающие их правительственность".

„Русский народ, — пишет Толстой, — стоит теперь в положении сказочного богатыря на разделении двух дорог, одинаково ведущих к гибели.

Продолжать повиноваться своему правительству русскому народу уже невозможно; невозможно потому, что раз освободившись от того престижа, который до сих пор окружал русское правительство, раз поняв, что большинство испытываемых народом бедствий происходит от правительства, русский народ уже не может перестать понимать причину испытываемых им бедствий и не жалеть освободиться от нее.

Еще менее разумно русскому народу вступать на путь западных народов, когда погибельность этого пути уже явно обозначилась.

„Что-же делать русскому народу? Не делать ни того, ни другого, т. е. не повиноваться ни своему правительству, которое довело его до настоящего бедственного состояния,

ни устраивать себе по образцу западных народов такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы к еще худшему положению".

Но Толстой против революционного насилия. „Казалось-бы, — пишет он, — должно бы быть совершенно ясно людям, не лишенным разсудка, что насилие производит насилие, что единственное средство избавления от насилия только в неучастии в нем. Средство это казалось бы совершенно очевидно. Совершенно очевидно, что люди, большее количество людей могут быть поработаны малым количеством людей только потому, что поработанные люди сами участвуют в своем поработании

„...Если бы двести миллионов индусов не повиновались бы власти, требующей от них участия в насилиях, всегда связанных с убийством: не шли бы в солдаты, не давали бы податей на дела насилия, не льстились бы на представленные им насильниками отобранные от них же выгоды, не повиновались бы вводимым среди них английским законам, то не только пятьдесят тысяч англичан, но и все англичане вместе не могли бы поработить Индию, если бы индусов было не 200 миллионов, а одна тысяча. Точно так же и с поляками, чехами, пруссаками, бедунами и всеми покоренными народами. Никакие капиталисты в мире не могли бы поработить рабочих, если бы сами рабочие не помогали им, не содействовали своему поработанию".

„Но разве возможна общественная жизнь без власти. Без нее люди не переставая грабили бы и убивали друг друга“, говорят люди, верующие только в закон человеческий. Такие люди искренно убеждены, что воздерживаются от преступлений и живут добродетельной жизнью люди только потому, что есть закон суды, полиция, администрация, войско и что без власти правительства общественная жизнь стала бы невозможной. Людям, развращенным властью, кажется, что так как некоторые совершаемые в государстве преступления сопровождаются карами правительства, то именно эти-то кары и удерживают людей от тех преступлений, которые могли бы еще быть совершены. Но то, что правительство карает некоторые преступления, совсем не доказывает того, что существование судов, полиции, войска, тюрем и казней удерживает людей от всех тех преступлений, которые люди могли бы совершить. То, что количество совершаемых в обществе преступлений совершенно не зависит от карающей деятельности правительства, с полной очевидностью дока-

зывается тем, что при известном настроении общества никакие усиленные карательные меры правительств не могут остановить совершение самых смелых, жестоких и нарушающих безопасность общества преступлений, как это с поразительной очевидностью происходит теперь в России.

Происходит это потому, что люди — большинство народа, весь рабочий народ — воздерживаются от преступлений и живут доброй жизнью не от того, что есть полиция, войско, казни, а от того, что существует, общее большинству людей, нравственное сознание, устанавливаемое общим религиозным пониманием и воспитанием, обычаями, общественным мнением.

Только это нравственное сознание, выражаемое общественным мнением, и удерживает людей от преступлений и в городских центрах и в особенности в селах, где живет большинство населения.

Я знаю многие примеры русских земледельческих общин, выселившихся на дальний восток и живших и благоудествовавших там десятки лет. Общины эти управлялись сами собой, будучи неизвестны правительству и вне воздействия его, и при открытии их агентами правительства только испытали новые, неизвестные им прежде, бедствия и получили новую склонность к преступлениям.

Деятельность правительств не только не удерживает людей от преступлений, а, напротив, всегда расшатывая и понижая нравственный уровень общества, увеличивает их количество. И это не может быть иначе, так как правительства всегда и везде по самому призыву своему необходимо должны ставить на место высшего, обязательного для всех, не писанного в книгах, а написанного в сердцах людей вечного, религиозного закона, свои, писанные людьми и имеющие целью не общее благо, не справедливость, а вызванные политическими, внутренними и внешними соображениями, несправедливые законы.

Таковы все, существующие во всех правительствах, явно несправедливые основные законы: законы об исключительном праве малой части людей на общую всем землю, законы о праве одних людей на труд других, об обязанности людей давать деньги на цели убийства или самих идти в солдаты и воевать, законы о монополиях на одуряющую отраву, или о запрещении обмениваться предметами труда через известную черту, называемую границей, или о казнях людей за поступки не безнравственные, но такие, которые невыгодны властвующим.

Все эти законы и требования под угрозой насилия исполнения их, и публичные

казни, совершаемые за неисполнение законов, и главное, требование участия в войнах и обычное восхваление военных убийств и приговоров к ним, все это неизбежно понижает уровень нравственного сознания общества и выражающее его общественное мнение.

Так что правительственная деятельность не только не поддерживает нравственность, а, напротив, трудно придумать более развращающее воздействие на народы, чем то, которое совершалось и совершается всегда и всеми правительствами.

Никогда никаким злодеям из простых людей не могло-бы притти в голову совершать все те ужасы костров, инквизиций, пыток, грабежей, четвертований, вешаний, одиночных заключений, убийств на войнах, ограблений народов и т. п., которые совершались и совершаются всеми правительствами и совершаются торжественно. Все ужасы Степани Разина, пугачевщины и т. п. суть только последствия и слабые подражания тех ужасов, которые производили Иоанны, Петры, Бироны, и которые постоянно производились и производятся всеми правительствами. Если деятельность правительств заставляет воздерживаться — что очень сомнительно — десятки людей от преступлений, то сотни тысяч преступлений совершаются людьми только потому, что люди воспитываются для преступлений правительственными несправедливостями и жесткостями.

Если люди, участвующие в правительствах, торговые, промышленные, городские, тем или иным путем пользующиеся выгодами, даваемыми властью, еще могут верить в благодетельность власти, то люди земледельские не могут не знать, что правительство причиняет им только всякого рода страдания и лишения, но никогда не было им нужно и только развращало тех из его членов, которые подвергались его влиянию.

Так что доказывать людям, что они не могут жить без правительства, и что тот вред, который им сделают воры и грабители, живущие среди них, больше того вреда, как материального, так и духовного, который, угнетая и развращая их, постоянно производят среди них правительства, так же странно, как было странно во время рабства доказывать рабам, что им выгоднее быть рабами, чем свободными. Но как и тогда, несмотря на очевидность для рабов бедственности их положения, рабовладельцы доказывали и внушили будет хуже, если они будут свободны (иногда и сами рабы поддавались внушению), что рабам полезно быть рабами, и что

и верили в это), так и теперь правительства и люди, пользующиеся их выгодами, доказывают, что правительства, грабящие и развращающие людей, необходимы для их блага, и люди поддаются этому внушению. („О значении русской революции“).

Толстой был религиозный человек, по христианство он понимал не в церковном толковании, как веру в чертей, ад, крошечный, царство небесное и тому подобные суеверия, а как учение о морали, нравственности, имеющее целью благо всех людей здесь на земле, а не после смерти.

Все наносное, схоластическое и догматическое, извращающее дух подлинного учения Христа, Толстой исключает из христианства. Особенное значение он придает христианскому учению о любви к ближнему. Отсутствие среди людей любви приводит к разединению, вражде. Любовь же объединяет людей, увеличивает их силы, содействует более идеальной устройству их жизни.

Бога Толстой понимает, как Жизнь или Любовь, или же как Идеал, носимый человеком в самом себе. И с одинаковым уважением Толстой относится к другим великим религиозным системам. В иудействе, конфуцианстве, буддизме, магометанстве он отыскивает нравственные законы, приемлемые для всего человечества, и пытается синтезировать содержащиеся во всех этих системах общие для всех людей правила нравственного поведения, создать одну мировую религию, основанную на разуме, на равенстве всех людей, которая была-бы одинаково приемлема для христианина, индуса, китайца, еврея и т. д.

Религиозные искания Толстого привели его к резкому столкновению с государственной православной церковью. По определению Св. Синода от 22-22 февраля 1901 г. Толстой был отлучен от православной церкви.

Семь архиереев, подписавших Синодский указ об отлучении, обвиняют Толстого в том, что он „отвергает личного живого Бога, во святой церкви славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя мира... отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загарбной жизни и задовоздания, отвергает все таинства церкви и благотворное в них действие Святого Духа и, ругаясь над святыми священными предметами веры православного народа, не содрогнувшись подвергнуть глуп-

лению величайшее из таинств, святую Евхаристию“.....

Закончил жизнь Толстой трагическим бегством из своего дома. Его все время тяготило богатство. Но он не мог раздать его нищим так, как этому он учил и как подсказывала ему его совесть потому, что этому решительно воспротивилась жена Толстого и вся его многочисленная семья.

Дети Толстого пошли не в отца и не желали расставаться с богатством. Жена Толстого пригрозила ему даже судом и отдачей его имения под опеку, когда он настаивал на передаче его крестьянам.

И Толстой покоряется судьбе, живет в Ясной Поляне с семьей, но относится к своему богатству и именно так, как бы его вовсе не существовало. В душе его, очевидно, сохраняется чувство обиды, нанесенной ему его близкими. И на Толстом как бы оправдываются слова Христа: „И враги человеку — домашние его“. Желание уйти от богатства, от семьи окончательно созрело у Толстого незадолго перед смертью. Он тайком, ночью уехал из Ясной Поляны, но в поезде заболел и скончался на ст. Останово 10 ноября 1910 года.

Весь культурный мир оплакивал смерть великого русского писателя, мыслителя и гуманиста — лучшего друга крестьянства и рабочего люда, судьбы которого более всего интересовали Толстого.

Он подарил миру не только величайшие художественные произведения, но и поднял свой мощный голос против современной буржуазной цивилизации, обратившей миллионы людей в рабов и рабов, он раскрыл насильническую природу власти и государства, и указал, что счастливой жизнь может быть лишь в безвластном безгосударственном обществе, покоящемся не на писанных искусственных законах, а на признании нравственного закона любви, заключающегося в заветах Христа, Будды, Конфуция и других великих мыслителей и философов.

Толстой особенно ценен и близок нам, анархистам. Из всех русских мыслителей, за исключением Бакунина и Кропоткина, никто с такой глубокой пронизательностью не постиг того величайшего зла, которое представляет всякая власть, неизбежно опирающаяся на организмовное насилие в форме государства. В медовые месяцы первой русской революции 1905 года Толстой усмотрел грозную опасность делу свободы в борьбе за переход власти к „народу“. Он указывал на то, что власть развращающе действует на людей, и что русская революция взяла неправильное нап-

разделение, борясь за власть, а не за ее полное уничтожение. Толстой понимал, — чего многие революционеры до большевицкой революции не предвидели, — что не только самодержавная или демократическая, но и рабоче-крестьянская власть может быть жестокой, тираннической, враждебной свободе. Он об этом предупреждал революционеров, но его голос был заглушен разбушевавшейся рево-

люционной стихией.

Но и теперь не поздно нам, производящим переоценку ценностей, вспоминать его пророческие, оправдавшиеся предсказания, и в его великих творениях искать выхода из тупика, в котором очутились русская революция, заведенная в него ослепленными властью политиками.

М. И. СУН

ПОП и АТЕИСТ.

(Шутливая песенка).

Обижен я поповскою манерой —
Куда ни кинь, куда ни глянй,
Всюду поп сует освященную дрянь
От щедрот своих полною мерой.
Вчера лишь случай кошмарный был:
Поп чуть, да чуть меня не убил!
Ухватил меня батя за фалды
И шипит,
И визжит,
И плюет
И орет:
“Атеистом нынче стал ты!
То и дело смущаешь народ!”
Эх, поп! Эх, поп!
Толоконный лоб!
Ложись-ка в гроб,
Для дури твоей нет причаля!
Поди, народ —
Не идиот:
Он и сам поймет,
Что бог твой глуп, как мочало!
Ну, что же, поп,
Не ложись в гроб?
Иль опять
Начинать
Все сначала?

Анатолий Консе.

А. С. ПАСТУХОВ.

ПЕТРАШЕВЦЫ

(Окончание)

Космополитизм особенно импонирует людям с рационалистическим складом ума, и Петрашевский в этом не представляет исключения. Методы его суждения, рассчитывающие исключительно на логическое убеждение, позитивное исключение иррационального из истории человечества, наконец, увлечение именно фурийско-анархическим типом переустройства общества на научных, рациональных началах — все это делает его предшественником того русского рационалистического анархизма, который дал такую характерную фигуру: как П. А. Кропоткин.

После общечеловечности космополитического идеала поставили под сомнение, после в нем многие стали видеть свободный облик германо-романского человека, или, как говорит О. Шпенглер, „фаустовского“ человека. Но это стало после.

Противоположный, индивидуалистический, тип сформировался уже позднее. Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский — эти ярчайшие представители этого типа, хотя в высокой степени пронзенные уже в эпоху пребывания в среде Петрашевцев духом космополитических идеалов, развернули свой гений и славянофильский индивидуализм только после процесса. У них же и анархические мотивы приобрели совсем особый колорит.

Даваа в „Бесах“ Нечаевщину, как некую историческую форму Петрашевцев, Ф. М. Достоевский опровергает космополитическое „человекобожество“ убийственной логикой Штирнеризма-Кирilloвского отечества. Но на этом полусе, человеческого мироощущения он увидел только один конечный исход, один путь преодоления: самоубийство. И Достоевский отвернулся от этого полюса, т. е. на той же тропинке анархического индивидуализма увидел другой полюс: Христа легенды о „Великом Инквизиторе“. Но вместо того, чтобы направить, все преодолевая, свои силы к этому, для него всезаверяющему и всеразрешающему образу, он, обессилевший невероятным раздвоением, направляет себя, в лице своего Мефистофеля Спешнева-Ставрогина, сначала на исповедь к старцу Тихону, а потом, устами Тихона, к отшельнику на послуш (Исповедь великого грешника). (Ср. интересные сообщения Отверженного в „Штирнер и Достоевский“).

Но почему же он вступил на эту тропинку анархического индивидуализма, открывающую ему возможность соборного принятия мира? И зачем он пришел на послуш к православию, к православной России? Ведь не он ли же так жестоко осмеял в образе Шатова славянофильское кланушество перед народностью и его религией.

Здесь не место разрешать это. Мы отметим только, что уже в среде Петрашевцев он читал характер-

ный по заголовку доклад „О личности и эгоизме“, что в своем показании он указывает в Петрашевском застенке его самобытного лика маской системы Фурье. Пробуждались здесь придавленные бытом первобытные силы самобытности. Ведь и космополитизм самого Петрашевского носил слишком личный характер. Подаром же в заметке к одной из своих тем он подчеркивает противопоставляет разум личности общественному мнению, общественной рутине. Эта кучка русских интеллигентов пришла в движение и хотела бы всколыхнуть все море русской общественности... но был остыл в мертвой неподвижности. Они оставались одни против всех. Но и один в поле — воин. Прошло 50 лет — и Русь встала на тот же путь крушений устоев, путь революций, что и Запад.

Совсем с другой стороны к тому же индивидуализму подошел Н. Я. Данилевский, гениальный теоретик славянофильства. В своей ясной, овеянной почти эгипетским спокойствием человека науки, в книге „Россия и Европа“ Н. Я. Данилевский пытается вскрыть смысл истории человечества и России. Он опрокидывает космополитический идеал грядущего рационализованного человечества атакой со стороны самоденности каждого культурно-исторического типа, ценности самораскрытия его своеобразия в каждом историческом моменте и, особенно, в моменте его наивысшего развития. Надвременная гармония этих типов, а не грядущий во времени общечеловеческий гармонический строй осмысливает, по его мнению, историю человечества. Счастье человечества он видит в свободном гармоническом развитии самобытных ценностей каждого культурно-исторического типа. Независимый федерализм автономных национальных систем общин ему кажется, поэтому, наиболее нормальной формой общественной жизни, и наиболее осуществимой именно в России. В этом он видел „здоровье“ России сравнительно с Западом.

Какой уклон привел и его к такому положительному переосмыслению реального быта России и скрыл под маской официального славянофильства подлинно-анархическую сущность его славянофильского индивидуализма — здесь это тоже не место разрешать. Отметим лишь, что аналогичный процесс завершил положительную деятельность и другого, космополитического, типа только либеральными реформами и, еще большее, „социалистической“ революцией. Русский анархизм еще не нашел реальных путей к пробуждению массово-народного творчества, еще не стал вполне сознательным принципом широкого народного сознания, включая, разве, некоторые ветви сектанства.

Характерно, что в самом Петрашевском (в этом может быть, сказалось его увлечение юриспруден-

пней) ясно не разделен либерализм от принятого им в основу фурьеристского анархизма. То, что он требует в ст. „Ораторство“ (Карманный словарь), так и дышет этой неоформленностью:

„Полное, несменяемое никакими общественными учреждениями развитие индивидуальности, признание не связи, но разумности началом управительным в обществе — законом положительным, обычаем, упроченное разными охранительными политическими учреждениями; обеспечение свободы мысли, чувства и их внешнего публичного обнаружения, ясное сознание, как своих частных, так и общественных интересов, коим обладает всякий гражданин, поддерживаемое публичностью всех общественных и административных отправлениях...“

В чем же состоял тот фурьеризм, который был доминирующей формой общественного мировоззрения Петрашевцев?

Анархический характер его достаточно подчеркивается следующим определением нормального состояния общества в статье самого Петрашевского „Нормальное состояние“ в „Карманном словаре“:

„Нормально развитым или благоустроенным обществом... будет то, которое доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорционально их потребностям и поставляет всякого человека в такое положение к целому обществу, что он, предаваясь вполне влечению естественных своих побуждений, насколько не может нарушить гармонии общественных отношений, но будет деятелем не только полезным самому себе и целому обществу без самозаклания личности... когда физические и нравственные силы достигнут апогея их возможного развития и для человека вообще наступит пора самосознания, самозакония, общности и общительности.“

Более подробно изложение основ фурьеризма дает в самом показании следственной комиссии Н. Я. Данилевский, естественно развивая только строительную, не-критическую, сторону фурьеризма.

„Основная мысль Фурье, служащая краеугольным камнем всем его выводам, есть следующая: всякое существо, одаренное силами, приводящими его в движение, подчинено неизменным законам, по которым эти силы должны проявляться. Так как эти законы неотъемлемая принадлежность, так сказать внутреннее требование этих сил — вытекающее из самой их природы, то, находясь в подчинении этим законам, всякое существо должно находиться в гармоническом состоянии. Если это существо есть сознательное — то такое гармоническое состояние будет составлять для него счастье, т. е. вечношнее довольство собой и всем окружающим... Человек жаждет не равенства, не свободы, а счастья...“

Вы уже чувствуете сам собою направляющийся рационалистический вывод: а вот наука исследует эти законы и рассчитает по ним, как устроить общество, чтобы раз на всегда и окончательно разрешился вековой проклятый вопрос о человеческом счастье. И Петрашевский так уверен был в этой „истине“

фурьеризма, что посмотрел, как на недопустимое невежество на проект Тимковского — разделить мир для опыта пополам между фурьеристами и коммунистами, определяя немецкий коммунизм вполне правильно, как мало научный по сравнению с genuinely историческими прогнозами и критическими исследованиями Фурье. Но продолжая:

„Так как все междучеловеческие отношения есть проявление деятельных способностей человека, то для узнавания законов, управляющих этими отношениями, и нужно анализировать только эти деятельные способности, не входя в рассмотрение прочих, как например, умственных, которые показывают человеку, каким путем достигать своих целей, но сами не заставляют его стремиться к этим целям... Деятельные способности человека, т. е. коренные стремления его духа и тела, приводящие в движение все существо его, называют Фурье страстями... Он насчитывает их 12...“

Дальше следует классификация нормальных, т. е. естественных общечеловеческих прав на удовлетворение, страстей, и изложение признаков отличия их от ненормальных. И затем общественная задача определяется уже, как задача уравновешения нормальных страстей и исключение ненормальных частью особенно-стижии предлагаемого Фурье общественного переустройства, частью методами воспитания, построенными на тех же основаниях: „применением сериарного закона к деятельности человека и особенно системой воспитания, основанной на этом же законе“.

Любопытно, что дальше, для доказательства возможности осуществления „довольства для всех“ (термин П. А. Кропоткина), т. е., в терминологии Фурье, удовлетворения первых 5-ти (матеральных) страстей, дается сравнение малознающему, с теми же основными категориями аргументов, как и у П. А. Кропоткина, что опять так характерно сблизает их. В число этих аргументов входит, между прочим, возможность создания гармонии сотрудничества в помощь того же сериарного закона.

Что же такое сериарный закон?

Это прежде всего, закон естественный, а не принудительный. Он осуществляется только через свободное влечение. Всякое принуждение нарушает его, искажает человеческую природу, разрушает общественную гармонию. Согласно ему, существует мировая гармония связанных свободным влечением „серий“ и „групп“. Группа — нормальная единица из однородных элементов, связанных силой свободного влечения (притяжением, ерством). Серия — нормальная, гармоническая единица и разнородных элементов, связанных соответственно такой же силой. И т. д. Причем эта сила свободного влечения, в зависимости от обстоятельств, выражается в человеческом обществе, как та или иная комбинация упомянутых 12-ти типов „страстей“.

Как видите, морфологический принцип — это тот же сериарный закон, но, в применении к истории, получивший преимущество углубленным в

рациональный характер структуры человека и история его общественности. Здесь и граница и не преодоленное совершенство гениальных построений Фурье. Но после Бакунина он лишь высочайшая вершина, от которой анархизм уже шагнул в иррациональное историче, хотя там еще не поднялся до ее высот.

На основе всех упомянутых начал Фурье строит человеческое общество, как вольную ассоциацию серий и групп полезного и приятного труда — фалангу, счастливую фалангу.

Распределение продуктов труда, участие собственности и таланта — это детали, хотя и весьма важные, но не существенные для наших задач. Добавляю лишь, что право на труд, на жизнь и на удовлетворение основного минимума потребностей здесь осуществлены, и сервильный метод распределения снижает возможность злоупотребления до безопасного минимума.

Фаланстер — общежитие, построенное по упомянутым принципам (назван так Фурье в противоположность монастырю, где суть — молитвенное уединение и молитвенное же единение), может, по Фурье, быть осуществлен, как социальный эксперимент, в любой момент истории в любой стране.

Характерно для иррационально-индивидуалистиче-

ческой природы русского человека, что Гершен даже фаланстер назвал для себя тесноватым. Еще резче с точки зрения иррационального в человеке, после, в "Записках из подполья", обрушился на этот „Хрустальный дворец“ Ф. М. Достоевский.

Но для нас, для которых Петрашевцы — история, для нас, психивших горечь революций, отомши в прошлое их горячие споры и встает одно, вечное и в этом небольшом кусочке истории. Это — образ молодой России, не исчерпанный еще и теперь, тающий в себе и темные бездны и прекрасные высоты. Облагородить первые, осуществить вторые — такая ежедневно-напряженная работа для этого нужна. Как недоволен был Петрашевский своими друзьями, что они „лицему не хотят учиться“. Тот, кто хочет взять свой глоток из чаши слез мира, должен прикоснуться к не менее горькой чаше опыта мира.

Желающих более детального ознакомления с лицом Петрашевцев отсылаю к трудам Семевского, а также к следующим книгам:

В. Лейкина, Петрашевцы М. 1924. (Приведена библиография.)

Политические процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы. М. — 1907.

А. С. Пастухов.

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНСКИХ БРАТЬЕВ.

С Волги широкой — войной мы идем,
Врагов отражаем свинцом и мечом.
Землю и волю народу берем,
Помещичьи гнезда сжигаем огнем.

Кула ни пришли мы — крестьянам земля!
Где не прошли мы — там воля взята.
Где мы появились — встают города,
Народу земля вся, заводы, казна!

И холод и голод исчезнут с Руси:
Все братьями будем и все мы равны.
Все равно богатые, все равно сильные,
Мы равные дети родимой земли.

За землю, за волю вставай-же, народ!
За фабрики, волю на битву вперед!
На барских хлопков идем мы войной
Начальство, богатых мы гоним долой.

За землю, за волю вперед и вперед!
Мошен и грозен восставший народ...
Ружейными залпами встретим врага:
Вся воля — народу, народу — земля!

А. А. Карелин.

Н. А. Рубакин.

Религия и наука, их спор и спорщики

Статья вторая.

В огромном большинстве случаев, споры о религии и науке совершенно словесны, а слова не соответствуют реальности, и, кроме того, понимаются в разных смыслах. Такого рода споры ни к чему: они не точны, не ясны, схематичны, спорщики не достаточно вооружены знанием фактов, нередко чересчур много повторяют чужие слова, не совсем продуманные ими самими, и, что всего хуже, приклеивают друг к другу всякого рода ярлыки и их же считают вроде как доводами против тех, с кем они спорят: „Такой-то мол безбожник“, „Такой-то мистик“, или: „такой-то „партийец“, и т. д. и т. д. Приклейка ярлыков доходит, особенно в спорах о религии, и до ругательств и до драки.

Но ведь споры о религии — самые трудные и сложные споры из всех других. Это происходит потому, что совсем невозможно и, во всяком случае, очень трудно выразить словами свои собственные религиозные переживания: для них не имеется подходящих и ясных слов. И чем искреннее человек, и чем глубже и сильнее религиозное чувство в нем, тем труднее выражает он словами свои собственные, особенно же самые глубокие переживания. В таком случае, тот смысл, который он в свои слова вкладывает, тем дальше от того их смысла, какой им приписывает слушатель или читатель. Для этих последних это просто пустые слова. Переживаемый их смысл не поместился в них. Бывает даже иногда так, что слова верующих кажутся неверующим прямо таки безумными, нелепыми, глупыми.

Вот главные причины, которые влияют на наше понимание чужих слов: наш пол, возраст, национальность, наш характер, темперамент, склад ума, качество, количество и возбудимость в нас различных чувств, затем стремления, какие в нас преобладают, наша принадлежность к такому-то обществу, классу, сословию, профессии, уровень нашего образования, среда или обстановка, в какой мы живем, нравы, обычаи, привычки, существующие в этой среде, момент истории (век, десятилетие, даже год), когда мы живем, даже минутное наше настроение, в каком мы находимся. Все это кладет отпечаток на наше понимание всякой чужой фразы и слова. На основании всех этих свойств и признаков, на основании нашей податливости к таким, а не иным переживаниям можно сортировать людей на разные типы, т. е. сорта так и делают, а каждый тип изучают возможно подробнее.

Есть люди верующие и неверующие вообще. Это люди двух разных типов. Говорят, что есть и безразличия ко всякой вере. Но, повидимому, такими безразличными по большей части называются те, кто свою веру причисляет к глубочайшей. Есть люди верующие и неверующие в Бога. Есть люди верующие и неверующие в науку. Значит, всех людей можно рассортировать на таких, которые способны и которые неспособны ве-

рить. Люди, которые во всем сомневаются, называются скептиками. Сомнение сводит на нет всякую веру, так как не дойдя до полной и предельной истины, вполне закономерно сомневаться во всем: неполное знание — еще вовсе не настоящее знание. А человечество и до сих пор не дошло, да и дойдет ли когда-нибудь до предельной истины. Сомневаться в Боге, значит не верить в него. Сомневаться в науке — значит не верить науке. Поэтому древне-греческие скептики и говорили: „мы ничему не верим. Не верим даже тому, что мы ничему не верим“. Скептик-особый тип неверующего. Но есть люди и другого типа, есть люди очень склонные к вере, вплоть до легковерия и суеверия. Иные принимают на веру все то, что им самим почему-либо покажется истиной, или на что другие укажут им как на истину. Верующие люди такого типа встречаются как среди людей религиозных, так и среди людей науки. Эти-то и дело, думают, что они-то уж дошли до полной истины, и посягают с нею. Одни — с истиной религиозной, вероучением той или иной секты или исповедания, а другие — с какою-нибудь научной гипотезой, доктриной или теорией: сегодня Дарвина, завтра Менделя, послезавтра Фриза и т. д. без конца. Интересно слушать споры легковерных людей науки с легковерными людьми религии: те и другие — люди одного и того же типа, и те и другие не замечают, что они несколько не лучше своих противников.

Среди людей веры и науки встречаются и люди религиозные. Но одни относятся религиозно к своему Богу, а другие — напр. к своему идеалу, который занимает у них место Бога. Так, напр., знаменитый французский философ Огюст Конт, позитивист, атеист и социалист, отрицавший все прежние религии, сам придумал особую „религию человечества“, где место Бога занимает „Grand Etre Supreme“ („Верховное существо — Человечество“). А Луначарский, в своем труде „Религии и социализм“, относится религиозно к доктрине социализма. Есть люди, для которых Богом является Истина, Добро, Любовь, Красота, Наука и т. д. Из этого видно, что религиозно относиться можно не только к Богу, а и ко многому другому. Самая суть тут не в Боге, а в религиозном чувстве, а его не следует смешивать с религиозной, вероучением, исповеданием.

Но что такое религиозное чувство? Это особое душевное состояние, т. е. психическое явление. Иные оно внимательно исследуется и изучается научно, психологами, врачами, педагогами. Религиозное чувство гнездится и в людях здоровых, нормальных, и в людях нездоровых, ненормальных, даже душевно больных. Религиозное чувство представляет собою переживание чрезвычайно сложное, в него входят следующие переживания: 1. Чувство святости, (читатель, святости или не святости — ваш идеал для вас, все равно какой?). 2. Чувство обязанности, долга пред чем-то святою (читатель, не чувствуете ли и вы, что ваш идеал, са-

мым фактом своего существования в вашем Я, уже наполнил нас некоторые обязанности что-то делать или чего-то не делать?) 3. Чувство нашей неразрывной и как бы вечной связи со святыней, которая безгранично больше нас, и глубокое переживание побуждения, исходящего из такого источника (читатель, чувствуете-ли вы бесконечное и всеобъемлющее величие вашего идеала и своего ничтожества пред ним?)

4. Чувство полной откровенности, искренности перед тем-то большим и священным для нас, неприкрашенного, нефальшивого выявления всего нашего Я, немеланхолическое и даже боязливой мало-мальски мерзкой примеси к нашей искренности (читатель, знаете ли вы, по вашему опыту, как трудно быть искренним с самим собой, вполне и до конца, и понимать ли что, не будучи искренним, нельзя с идеалом слиться?).

5. Чувство полнейшей и безграничной уверенности, что опираясь на все такие переживания, уж никак не приходится унывать и мрачно смотреть на будущее (читатель, переживаете ли вы чувство такой уверенности или хотя бы глубокой надежды на светлое будущее?). 6. Чувство несомненного существования чего-то непознаваемого, в слабой степени переживает его человек, смотрящий вглубь беспредельного неба, в вечность, недоступную ни уму, ни чувствам. (читатель, чувствуете ли вы непознаваемое, и не только в природе, но и в человечестве, и в людях и в себе самом?) 1)

Все такие-то переживания, совместно и одновременно охватывающие человека, и главным образом, глубину его Я и распространяющиеся там свет, и тепло, охватывающие наше прошлое, настоящее, будущее, и называются религиозным чувством.

Но такое чувство можно питать не только к тому, что мы считаем своим Богом, а и к науке: устремления этого чувства могут быть разными. Но самое чувство более или менее одинаково там и тут. Это видно из того, что люди, которые способны переживать его, способны и понимать в друг друга такие свои переживания. Но из этого еще не следует, что они способны признавать их, и быть веротерпимыми.

Всех людей можно рассортировать так: на людей, способных питать и переживать такое религиозное чувство, и на людей, неспособных переживать его. Никакими словами невозможно описать или объяснить религиозное чувство. Поэтому только тот знает и понимает его в других, кто сам испытал и испытывает его. Без этого сходства переживаний, люди не понимают друг друга: И даже более того: они удивляются, как это можно иметь или не иметь его? И того больше: человек без религиозного чувства смеется над тем, кто его имеет и наоборот. Сауцаются, что люди таких двух типов, даже презирают друг друга. И впадают, спорят, даже дерутся. Но доказать ничего не могут. И обратить друг друга в свою веру им не по силам тоже. Здесь перед нами вековое взаимное непонимание верующих и неверующих в Бога, этим же объясняются споры и в пределах одной и той же схемы или доктрины. Люди, неспособные к религиозным пере-

живаниям никогда не поймут людей, которые к ним способны. Нельзя находить в чужом Я такую способность никаким способом — до тех пор, пока она сама там не проявится и пока религиозное чувство там не вспыхнет. И не помогает его проявлению ни кулак, ни богатство, ни обман, разве что очень не надолго. История всех религий уже показала тысячами и тысячами примеров, что религиозные преследования, пытки казни и т. п. не погашают религиозного чувства в тех людях, в каких оно есть, и не наносят этого чувства в тех, кто к нему не способен. Все гонения наталиваются на естественные законы человеческой природы, а эти законы сильнее всегда всяких гонений и вообще наказаний.

Религиозные переживания верующего человека представляют собой явление природы, человеческой природы, столь же естественны, как и явления физиологические, физические, химические, космические. И то, что мы здесь говорим, — вовсе не вывод из какой-нибудь одной науки, а решительно из всех наук. Посмотрим теперь на самые корни религиозных переживаний.

Эти корни тройного происхождения: наследственного, социального и индивидуального.

1. Наследственными являются в нас: устройство нашего тела, получаемое от самого рождения, наш пол и раса. Наследственны так наз. рефлексы, врожденные рефлексы, напр., руки или ноги при ощущении боли, затем рефлексы подражательности, (по академику В. Бехтереву), любознательности (по академику И. Павлову).

Наследственны и инстинкты (половой, родительский, стадный, самозащиты, нападения и т. п.). Наследственны некоторые чувства и эмоции, каковы напр., гнев и страх. В настоящее время все более укрепляется мысль, что существует инстинкт и религиозный, религиозного переживания. Он переживается как особое чувство собственного существования или бытия, неотделимого от Вселенной, — как космическое чувство, бытия вообще, независимо от пространства и времени. Это чувство бытия чрезвычайно смутно, но зато глубоко, и его никак нельзя приурочивать к религиозному сознанию Бога и т. п. Знаменитый, швейцарский, ученый позитивист и материалист, проф. А. Форель приурочивает это чувство бытия к девятому, самому глубокому этапу подсознания, свойственному всякой живой твари 2). Тесная связь религиозных переживаний с полом, тоже свидетельствует о том, что эти переживания имеют тот же космический, филогенетический корень, как и этот инстинкт 3). В некоторых существах такой инстинкт бывает сильнее, в других слабее. Поэтому встречаются существа неодинаково способные к религиозным переживаниям. Когда живое существо, родившись на свет, попадает в какую-либо среду, эта среда начинает влиять на него, и на почве простейших, врожденных переживаний, врожденных рефлексов, эмоций и инстинктов, в том числе и религиозного, расцветают, развиваются очень сложные явления, глядя на которые

ной раз и не найдешь прирожденных корней его. Но инстинкт все таки инстинкт, и он так крепко спаян со всеми другими качествами живого существа, что его не уничтожить никаким внешним воздействием. Его можно только подавить, заглушить на время. Но его можно и использовать, как весьма твердую почву, чтобы посадить и развить на ней разные другие качества живого существа, наиболее соответствующие совместной жизни таких же существ, составл. социальн. коллектив и человечес. род. Поэтому современная наука и педагогика и старается отнюдь не уничтожать и не искоренять, а использовать разные инстинкты, равно как и другие прирожденные особенности человека, — сублимировать их (возвысить, улучшить), так как уничтожение и искоренение их было бы нелепою борьбою против природы и ее жизни, бессмысленною тратой полезных сил, и причинило бы страдания живому существу.

2. Социальный корень. На почве религиозного инстинкта развиваются религиозные чувства. Как показывал академик И. Павлов, на почве рефлексов прирожденных, естественных развиваются рефлексы усвоенные т. е. принятые, навыки, автоматические действия. Происходит это под влиянием, так сказать, практики самого существования, а так же и под влиянием окружающей среды, в том числе, — и больше всего, — среды общественной, состоящей из существ, нам самим подобных. Человек влияет на человека. Человек перенимает от человека, заражается его способностью поступать, чувствовать, мыслить так, а не иначе. Человек подражает человеку, ему следует, волею или неволею, сознательно или бессознательно.

На почве социальной жизни развиваются явления так наз. религиозной жизни, верования, церковности. Разумеется, все это надо отличать от религиозного чувства, вложенного природой. Церковность, с ее догматами, богословием, разными поповеданиями, обрядами (культами), духовенством, с его борьбой или подчинением государственным властям, все это — социальные наросты на естественном религиозном инстинкте, которые нередко не имеют с ним ничего общего, искажают, калечат, думают его. Когда живое существо действует инстинктивно, т. е. бессознательно, оно вроде как плывет по течению, отдается его волне; так отдаваясь, оно и переживает гармонию своего бытия, потому что ощущение жизни в этом случае ничем не нарушается. Но эта гармония, то и дело, нарушается от напора социальной среды, которая, например, заставляет приспособляться к ней хочешь не хочешь. И вот среда начинает все более и более господствовать над живым существом, налезая на него и переделывая его. Такое налезание — страшнейший и смертный грех церковности. Кое-что давая людям, церковность, в союзе с государственностью, и беруг, и выжал от людей очень многое: они отжили возможность жить и веровать свободно, но своим собственному, а не по чужому разумению. От влияния государственности, церковность еще более вырождается, сама искажается по существу, и стала

сознательно искажать верующих, до тех пор, пока они против нее не запротестовали и не забунтовали и не начали обуздывать церковность, а иногда, вместе с нею и государственность. Напомним, что во всех религиях были секты революционного, напр. социалистического и анархистского типа⁴). Но вот что особенно достойно внимания: протест верующих против церковности бывает возбужден и обусловлен ничем иным как религиозным инстинктом, требующим для себя свободы и удовлетворения, так как свобода для него то же, что воздух для нас. Такой инстинкт — это частичка прирожденной нас природы. Против церковности всегда протестует и религиозное чувство, опирающееся на этот инстинкт, а потому тоже не искореняемое, как и он. В настоящее время церковность — лютый враг духовной свободы, так как старается господствовать, если не кулаком, так внушениями, и словесными рассуждениями, — как над целым веком, так и над общественной жизнью, во чтобы то ни стало, и обманом, и приказом и дубьем и прелестью⁵). Религиозный инстинкт, религиозное чувство ныне превращены как церковью, так и государственною властью, в инструменты их влывования, господствования и одурманивания умов и сердец. И в этом — величайшее преступление и государства, и церкви.

Но не следует думать, что наука не представляет их же орудия и в тех же анти-человеческих целях. В настоящее время все изобретения науки немедленно попадают в руки тех, в чьих руках сосредоточена власть, — государственная, экономическая, умственная, духовная, церковная, — школа, церковь, лаборатория, печать. С наукой произошло тоже самое, что с религиозн. чувством и инстинктом. Она сама пошла в тот же паки. Истину связала по рукам и ногам общественности, общественный строй, обусловленный теми великими несправедливостями, какие ныне лежат в его основе. Как известно, история науки показывает, что необходимость приспособляться к условиям жизни в данной среде и приспособлять эту среду к условиям к целям человека, представляет собой фундамент ее эволюции. Академик Павлов показал, что любознательность инстинктивна и тоже рефлективна, а не приносимая, так как в ее основе лежит рефлекс „что такое“⁶). Этот рефлекс и инстинкт обростая, развиваясь и превращаясь в науку, приводит к концу не только к улучшению жизни и новым изобретениям, но и к господству человека над человеком, как дубьем, так и рублем и обманом. Иначе сказать, тоже искажается социальным строем.

Такии путем человеческие качества, выработанные самой природой и ее эволюцией в течение миллионов лет, превращаются в нечто такое, что человечеству же и вредит, создавая насильников и тасителей жизни одних то в расы, то во фракции, то в военные мундиры.

3. Индивидуальный. Человек вовсе не продукт только социальной среды. И он не только продукт природы. Вместе с тем он — свой собственный продукт, своей индивидуальности, своих личных особенностей, от совокупности характера, качества и количества которых зависит и его собственный облик и поведение.

ние. Поскольку они не тождественны с характером и поведением других людей. Гражданин, член общества — не иное что как психо-физический организм. Его поведение, — политическое, экономическое, семейное, умственное, п. т. д. — не иное что как работа его органов, деятельность которых — результат работы клеточек. А в их основе лежит работа химических частиц (молекул), атомов, электронов. Каждый из нас — не как все прочие, а отличается от них хоть чемнибудь. Совокупность таких отличий и называется индивидуальностью. Социальная среда создана всем человечеством в ходе истории. Но каждый из нас берет из такой общей сокровищницы, называемой опытом человечества, далеко не все, что там есть, а лишь ничтожно малую часть. Наша личность и ее особенности выражаются в том, что именно и сколько, и как, и когда мы взяли из этой общей сокровищницы, и что мы ей дали и даем, и можем дать. Свобода каждой личности выражается не только в праве, но и в выборе, а также в возможности брать и давать, по правилу: "с каждого по силам, каждому по потребностям". А это возможно лишь при отсутствии всякого господства человека над человеком, и не иначе как при добровольном единении людей: по правилу „кто не против нас, тот с нами“. Все это приложимо и к нашим личным верованиям, к нашему личному религиозному чувству, к нашим стремлениям.

Из сказанного видно, что религиозное чувство гнездится крепко и очень глубоко, и что не надо смешивать его с церковными исповеданиями и религиозным сознанием, которое представляет из себя, так сказать, социальный нарост.

В каждом из нас есть два элемента: рациональный и иррациональный. Рациональным называется все то, что может быть изучено, измерено, взвешено, понято и объяснено разумом. Иррациональным называется все то, что не поддается этому. Иррациональное, так сказать, не влезает в разум и не подчиняется ему. Таковы, напр., наши чувства, инстинкты, стремления, убеждения, верования, интересы. Люди переживают их и держатся их, иной раз сами не зная почему, так как сознание и доводы разума не в силах объяснить этого. Современная психология доказала с полной ясностью, что в каждом из нас иррациональный элемент сильнее, чем рациональный, т. е. что чувства, инстинкты, и стремления сильнее рассуждений и даже знаний. Так напр. чувства управляют нашим вниманием, нашим поведением, нашей догадливостью, доводами, мировоззрением, доктринами⁸). Отбрасывать все иррациональное из своего Я и из чужих Я — это значит искажать и губить людей. Религиозный инстинкт и религиозное чувство относятся к области иррационального. Любый религиозный спор — доказательство этому. Вот почему никто и не убеждает религиозные и церковные споры: это значит, что люди рационального типа не в силах понять людей иррационального. А люди неверующие — верующих и обратно.

Говорят о "религиозном сознании". Это выражение очень неудачно, так как термин сознание относится

к области рационального, а религиозность к области иррационального. Кроме того, иррациональное заложено в человеческой природе гораздо глубже, чем рациональное: наш ум, наше сознание, — это вроде как свечка в темной пустыне, т. е. ничтожно малая величина пред лицом иррационального. До нашего сознания и ума не доходит очень многое, что совершается внутри нас самих и что там существует и действует. Так, напр., где лежат наши знания, пока нам они не нужны? Где наши навыки, пока мы ими не пользуемся? Где наши былые, но еще не потасканные чувства и стремления? Они в нашем подсознании, — до поры до времени⁹). Чтобы понять верующих людей и их религиозные переживания, надо изучать и понимать человеческое подсознание, его особенности, его качественную, его количественную стороны. Подсознание — гигантский и безбрежный склад всего того, что мы в нашей жизни уже пережили, так как все, решительно все пережитое оставляет в нашем теле, хоть как-нибудь, следы, а они не исчезают и из живого вещества нашего тела, сохраняясь там до конца наших дней. Это видно из того, что воспоминания детства живы даже в старике. Злопамятность старых людей тоже доказывает, что не исчезают следы и от испытанных нами чувств, чувство благодарности существует у многих людей. То же по долгу, значит, существует память на чувства.

Социальная жизнь и глубоко несправедливый строй постоянно набивает разную труху наше подсознание. Туда же льется поток разных управлений, которые сначала бывают сознательными и требуют усилия воли, (напр., когда музыкант учится играть), а затем постепенно делаются подсознательными, автоматическими навыками, привычками. Разной трухой, полученной из окружающей среды, буквально облеплен и наш религиозный инстинкт и религиозное чувство, а эта труха действует словно невидимый суфлер: на сцене нашей жизни мы делаем больше всего то, что нам неслышно подсказывает наше подсознание.

У разных людей сознание, как и подсознание, развито не в одинаковой степени. Кроме того, сознание у многих людей, по большей части не согласуется с подсознанием. Да и подсознание состоит, так сказать, не из одного комка (комплекса) разных материалов, а из двух, трех и многих. Гете когда-то писал, что в человеке живут "две души". Не это неточно: их несколько, их много, даже очень много. Каждый комплекс кажется нам нашим особым Я, а в каком из комплексов наше внимание, такое и наше Я в данный момент. Все мы во власти своего подсознания. Спорят не мы, и не наши знания, мировоззрения, убеждения, а наши подсознания. Именно подсознание выбирает и находит слова и чувства для наших речей. Оно же командует выбором, какой мы когда либо делаем. Оно же заведует и тоном голоса, каким мы говорим. Переделает подсознание другого человека при помощи слова, со стороны совершенно невозможно: результаты всей жизни не переделываются так. Иногда кажется, что чужие слова влияют на человека. Но это бывает лишь тогда, когда в нем самом уже накопилось

материалы для такого влияния и вообще для нашего преобразования. Отсюда бесплодность всех споров подсознательного типа, в том числе и религиозных. Да и научных тоже. Да и философских, так как в них так же участвует подсознание, напр. в виде так наз. „научных тенденций“, склонностей.

В заключение еще об одном, крайне важном вопросе религиозной жизни: полезно ли предно религиозное чувство? Так как все инстинкты результат эволюции (филогенезиса), то поэтому самому, они полезны и индивиду: иначе они исчезли бы, в силу естественного отбора. Значит, и религиозный инстинкт тоже полезен для человечества и для тех людей, в каких он горит. Это подтверждается и практикой жизни: люди, которые религиозно относятся к своему делу, идеалу, работе или к чему либо, духовно сильны, стойки и напористы. Они крепче держатся за убеждения. Они сильнее переживают их. Из религиозного чувства они черпают себе силу, словно из какого колодца живую, оживляющую воду. Это видно на примере не только христианских и др. религиозных мучеников, но и на примере революционеров борцов, возлюбивших свои идеалы более чем самих себя. Переживая такое религиозное чувство, такие верующие люди словно живут в области какого-то внутреннего света, по просту сказать, внутренней гармонии. Ее ощущение не только приятно, но и радостно. Радость — тоже удовольствие, но только более напряженное. Человек, который это знает по собственному опыту, не может не считать такого своего переживания чем то высоким. В силу этого личного его опыта, особенно если такое чувство достигло напряжения в этом человеке, оно кажется ему переживанием, которое приятнее всех других. Высшее напряжение религиозного чувства называется религиозным экстазом. Религиозные фанатики и некоторые основатели религий, — все это люди способные к этому.

Экстаз наблюдается и среди людей науки, но есть люди, в которых легче всего возбуждаются эмоции и чувства, напр. гнев, ненависть, мстительность, жестокость и т. п. Зоопсихология выяснила, что в царстве животных гнев представляет собою орудие самосохранения, и животные, за немногими исключениями, сердятся только тогда, когда это либо грозит их жизни. В других случаях они не сердятся. Сердитость, сделавшись привычной, превращается в злобность; охватывая не только настоящее, но и будущее, злобность переходит в мстительность. Все это чувства, характеризующие главным образом людей, а не других животных. Такие чувства не прирождены. Они социального происхождения. Прогресс человечества есть не иное что, как эволюция жестокости¹⁰. Самый лютый тигр менее жесток, чем Гвиденбург и Чека. Ужасами нашей жизни мы обязаны несправедливому социальному строю, и его эволюции, а не природе.

В глубине каждого человеческого Я, решительно без всякого исключения, тапится, вместе с другими инстинктами, и инстинкт религиозный. Его там не может не быть, как и других инстинктов. Но у многих

людей он словно под спудом, так как его заглушают разные другие инстинкты, и те эмоции, которые в данном человеке, от разных причин, вспыхивают легче, быстрее и сильнее других. Поэтому религиозный инстинкт не доходит не только до сознания, но и до некоторых этапов подсознания: переживая и замечая тех, человек иной раз и сам убежден, что он будто бы со совсем неспособен к переживаниям религиозного чувства. Но, как мы сказали, религиозный инстинкт — тоже, что чувство бытия, космического чувства, — чувство своей связи со Вселенной, Космосом. От такого чувства никакое живое существо не может отделаться, оно более чем привыкло к нему, подобно тому как мы привыкли к воздуху, которого тоже не замечаем когда дышим и живем им. Подобно этому, люди очень безразличные считают себя непригодными к высоко-этическим переживаниям. Но Достоевский и др. чуткие люди давно констатировали, что заглушено и что находится под спудом, все таки существует, а значит может и ожить и пробиться до сознания, и повлиять даже на поведение. И правда, очень многие атеисты способны к весьма сильным религиозным чувствам, и религиозный инстинкт у них тоже, очень силен, помимо их воли и желания. Так напр. атеист Огюст Конт доказал это, создав свою религию Человечества, о которой было упомянуто выше и внес в нее очень много религиозного чувства и его же старался использовать. Герберт Спенсер, один из ярких представителей агностицизма¹¹) в своей „Автобиографии“ показал, что и в нем, таком сухом и объективном мыслителе, религиозный инстинкт глубок и силен. Им он и окрасил свое бесстрастное „Непознаваемое“ существование, которое не отрицает, для данного устройства человеческого тела, ни один ученый, ни один атеист. Но чаще всего религиозный инстинкт подавляется злобными эмоциями людей, чем доказываются, что они ему противоположны.

А это, значит, что по существу, и религиозный инстинкт представляет собой нечто противоположное злобе. Но этого нельзя сказать о религиозном чувстве, которое, как мы видели, держится на этом инстинкте, но включает в себя много элементов социального происхождения. Поэтому встречаются такие случаи: биографы Карла Маркса неоднократно свидетельствуют, что это был человек, полный злобы и ненависти, и что он относился ко всем людям и всем незнакомым, в огромном большинстве случаев, с презрением и даже ненавистью¹²). Но это не мешало Карлу Марксу религиозно относиться к своему делу и идеалу. Значит, он тоже был способен к религиозным переживаниям, но не любя людей, он создал и религию классовой ненависти и борьбы. Не трудно понять, что с психической точки зрения, чувство ненависти анти-социально, потому что ведет к раз'единению людей, тогда как настоящее социализм и коммунизм, равно как и анархизм, и даже настоящая демократия стремятся к их объединению и единению. Ненависть представляет собою настоящий „опиум для народа“, и именно благодаря ей, многие революционные знамена, под которыми стоят и работают противники современного социального строя, покрываются и покрывались во

все времена пятнами прови и гриязи, а это отгоняло и всегда будет отгонять от этих знамен людей искренних, не за страх, а за совесть работающих в соответствии с преобладающими в них альтруистическими (добродетельными) эмоциями, соответствующими религиозному инстинкту бытия и гармонии, а не заглушающими его (13).

Вышесказанное объясняет, почему в русском крестьянстве, как это известно из газет, давно ходят слухи, что Карл Маркс и его сторонники представляют собою, „поначине антихриста“: инстинкт ненависти и злобы — прямая противоположность эмоции безграничного добродетельства, лежащего в самой основе евангельского (не персидского, а анти-церковного) христианства (14).

Нужно ли говорить, что во всем том, что было изложено выше, нет ничего сверх-естественного и даже таинственного. Как религиозное чувство, так и религиозный инстинкт — такие же естественные явления, продукт природы и эволюции Вселенной, как и все то, что существует в этой последней. Каждый из нас, если только он способен к переживаниям религиозного чувства, и если религиозный инстинкт достаточно силен в нем, на собственном опыте может убедиться в том, что эти переживания представляют собой светлую и добрую и глубоко — общественную и этическую силу. Есть чисто психологические приемы и методы, с помощью которых сам человек, без чужой помощи какого либо жреца или художника, имеет возможность, так сказать, спуститься в глубины своего Я и переживать наличность религиозного чувства и инстинкта и при этом укреплять свои силы. Это может сделать не только человек верующий, но и неверующий. Даже очень сухие люди рационалистического типа, „максимально объективные и логичные, свидетельствуют в своих письмах и записках, что они, порой раз молились не зная кому и чему. Это слово „молиться“, в сущности, тут не уместно, так как такое состояние — вовсе не молитва и не обращение к кому-то или чему-то, а особое психическое состояние человеческого Я. В этом состоянии охватывает человека особый порыв, идущий откуда-то из его же глубины. Порыв этот всегда приятен, всегда действует возвышающим образом, не содержит в себе ни малейшего злого чувства и словно охватывает всю Вселенную. Никто не назовет это молитвенное состояние чем то злым, испытав его на себе самом. Значит, оно не имеет ничего общего со злобой и даже противоположно ей. Научная психология давно изучает, при помощи разнообразных методов, такие молитвенные состояния, представляющие собою, но существу, самую обыкновенную форму наименее ярко выраженной стадии религиозного экстаза.

Вышесказанное приводит нас к объяснению слова „Бог“.

Что он такое? Существует ли он? И может ли существовать? Ответ на эти вопросы таков.

Слово „Бог“, — такое слово, которое в настоящее время, в соответствии с современным уровнем научных и главным образом естественно-исторических

знаний лучше всего вовсе не употреблять. Это слово приводит только к разным недоразумениям, так как, в силу наших привычек, усвоенных еще в родном доме, в раннем детстве, с самой колыбели мы, рефлективно, и автоматически, связываем, с этим словом очень старые, незлые, домашние до нас из глубокой старины и давно отжившие образы и понятия. Этот привычный, Бог, — своего рода икона, на которой изображен ветхозаветный жрец в широкой рясе. Тако го Бога надо забыть, так как он не соответствует реальности, т. е. научной истине.

Но за этим словом все же существует некоторая реальность, некоторый факт. Если бы его совсем не было, то все люди отбросили бы давным давно всяких своих богов. Однако многих и многих людей все же удерживает что-то от такого отбрасывания богов. Что же именно? Их собственные переживания, их собственный опыт, их ощущения религиозно, чувства и религиозного инстинкта, т. е. вообще говоря удерживает, особое состояние человеческого Я, стоящего на такой то ступени цивилизации. Тот, кто способен пережить и переживает, и чувствует такое состояние в себе самом, именно тот и говорит: „Я верю в Бога, потому что чувствую его“. Кто не переживает таких состояний, тот говорит: „Я в Бога не верю и не могу верить“. В глубине столь своеобразного состояния психического лежит особое свойство всего психо-физического организма, а значит, и действия на него разных биологических, химических, физических и вообще космических сил, — действия и сознания и подсознания, вплоть до самой глубины Я. Значит, вопрос о существовании или несуществовании Бога сводится к существованию или несуществованию в человеке таких то психических состояний или переживаний. А такие свои переживания не в силах ни отрицать, ни отбрасывать тот, кто их сам чувствует, ибо они для него, чувствующего их человека, — непреложный и несомненный факт. Потому такой человек и говорит: он — факт. И такой человек твердо уверен, на основании собственного опыта, что и Бог-факт. Но на таком же самом основании человек, не испытывающий таких же переживаний, отрицает существование Бога.

Где же именно существует Бог для всех верующих. Где именно он является непреложным фактом, не менее реальным, чем всякие другие, и тоже познаваемым на опыте?

Он существует в человеке, внутри человека, внутри его Я, в самой глубине этого Я, в его подсознании, там, где гнездятся наши инстинкты и чувства или эмоции. Он существует там, и будет существовать до тех пор, пока не исчезнут с земного шара люди такого типа и пока не передается все устройство человеческого мозга и вообще тела.

Но ведь наше тело входит в состав природы, — оно — частица Вселенной. Все, что существует в нас, поэтому самому, существует в природе. Кроме того, между нами и Вселенной происходит постоянный обмен веществ и сил: мы впитываем и излучаем теплоту, и электричество, и свет, и все другие виды энергии, видимой и невидимой, осязаемой если не нашим те-

лом и его органами, то при помощи разных пиструментов, которые чувствительнее, чем оно. Через легкие и через пищеварительный канал мы впитываем и вбo распыляем разные химические вещества. Всей поверхностью тела мы излучаем теплоту и электричество. Световые лучи тоже рассеиваются нашим телом. Куда? Во всю Вселенную. Вместе с ними расширяются и границы нашего тела. Где-же его границы? Во Вселенной. В ее безграничности и безконечности. Мы слиты с ней нашими излучениями.

Но это еще не все: в настоящее время научно установлено, что существуют излучения и психические, т. е. передача психических переживаний на расстояние. Такие излучения называются телепатическими и представляют собою излучения мыслей, чувств, желаний, приказаний, и т. д. Исследование таких излучений, равно как переживаний, возбужденных в нас дошедшими откуда то излучениями, ведется в настоящее время строго научными методами, и их уже давно перестали отрицать даже очень осторожные мыслители и скептики, так как самый факт существования этих излучений говорит сам за себя, и ныне уж никак нельзя смешивать телепатию с такими заблуждениями человечества, как спиритизм, оккультизм и т. п. Даже такой материалист и позитивист, как проф. А. Форель, в одиннадцатом издании своего классического труда "Der гипнотизмус" посвятив не мало страниц явлению телепатии, так как признал факт их существования научно установленным. Другой такой же материалист, академик В. Бехтерев, вместе со своими многочисленными учениками-врачами, доказал экспериментально существование телепатической передачи разных психических переживаний на расстояние при помощи опытов даже над сабаками 15). Эти все экспериментаторы пришли к выводу, что наше Я не ограничивается границами нашего тела, а за его пределами сливается с такими же Я других людей при помощи телепатических волн. В настоящее время называют их "психо-энергией", и нисколько не как Форель недавно изложил в своей статье свою гипотезу, объясняющую эту "психо-энергию."

Об этом психическом единении при помощи невидимых радиаций, еще десять лет тому назад, если не раньше, писал известный женеvский психолог философ, проф. Флуриу. Таким образом, опираясь на чисто экспериментальные исследования, нельзя не признать, что человечество в буквальном смысле слова представляет единое целое, находящееся в постоянном, хроническом общении посредством невидимых радиаций. И даже более того, — с помощью радиаций же происходит общение человека и человечества с Космосом. Значит, и то, что мы называем религиозным чувством, объективно говоря, простирается за границы нашего Я и действует на людей такого же типа, то есть тоже способных к религиозным переживаниям. Говоря языком старых религий, "Бог не только в нас, но и вокруг нас, во Вселенной."

Таким образом религиозный инстинкт и религиозное чувство представляет собой, так сказать, ту самую точку в недрах нашего Я, в которой мы на собствен-

ном опыте, непосредственно, чувствуем всю Вселенную, и ее и наше бытие и нашу личную и неразрывную связь с ней.

Но будем точны. Это не Бог библейский, а особое явление природы, — нашей, человеческой, психической природы, распространяющееся за пределы человеческого Я. Впрочем, разве дело в названии?

Не будем бояться слов, а будем изучать явления природы и переживать их на собственном опыте.

Н. Рубанин.

Лозанна, Май 1929 г.

- 1) См. Чарльз Дарвин: „Происхождение человека“, соч. т. II изд. О. Поповой, стр. 65. Г. Спенсер „Основные начала. Гегфлинг „Философия религии.“
- 2) А. Forel: Der Hypnotismus; 12-te Aufl.
- 3) В очень интересном и чрезвычайно содержательном исследовании „Вселенское чувство“ (Сиб. 1911), проф. И. Ланшин дает обзор мнений о космическом чувстве разных философов. Еще см. капитальный, весьма оригинальный труд д-ра медицины Dr. Bucke Cosmic consciousness. 5-е изд.
- 4) См. Каутский: „Предшественники социализма“. Г. Адлер „Из истории общественных учений“. А. Вилинский: „Очерки по истории коммунизма“.
- 5) См. Л. Толстой: Государство и Церковь. Его же „Царство Божие внутри нас.“ White: „La lutte de la science et de la croyance“ Дрэнера: „История умственного развития Европы.“
- 6) Академик И. Павлов: „Лекция о работе больших полушарий головного мозга“. 1927
- 7) Об этом см. в моей книжке „Кораллы и люди“, 1900 г.
- 8) Ср. Max Scheler: „Wesen a Formen der Sympathie. 1926.
- 9) Ср. Dr. G. Dwelshauers. „L'Inconscient“. 1925.
- 10) См. прекрасную, очень содержательную книгу М. А. Энгельгардта: „Прогресс, как эволюция жестокости“.
- 11) Так называется религиозно-философское миро-созерцание, которое признает существование чего-то непознаваемого, не называя его Богом.
- 12) П. Берлин: „Карл Маркс и его время“.
- 13) К. Каутский: „Очерки и этюды“ (в книгу вошли см. „Общественные инстинкты у людей и животных“. Каутский. Этика и материалистическое понимание истории. П. Кропоткин. Взаимопомощь. Его же. Этика.
- 14) См. XIII гл. I Послания к Коринф. Эта глава — ва-прямое отрицание всякой Церковности, которая проповедует насилие и господствование.
- 15) Акад. В. Бехтерев. Об опытах над мысленным воздействием на поведение животных. („Вопросы Изучения и Воспитания личности“. Ленинград. 1920 г. № 2, стр. 232—68). Там же см. ст. д-ра А. Иванова — Смоленского „Опыты мысленного воздействия на животных“. Там же см. д-ра П. Флехсера: „Опыты так наз. мысленного внушения животным“. Еще см. В. Бехтерева „Коллективная рефлексология“, стр. 113. Госизд.

М. РУБЕЖАНИН.

НЕ ПО КОНЮ, А ПО ОГЛОБЛЯМ

В №8-м "Пробуждения" была помещена интересная статья проф. Б. Вышеславцева "Экономический материализм". Проф. Вышеславцев в этой статье подвергает критике теорию экономического материализма, пролетарского социализма и коммунистическую форму производства и распределения.

Проф. Вышеславцев не признает научными ни теорию экономического материализма, ни социализма, ни коммунизма. „В современной социологии, философии, истории, — пишет он, — нет ни одного значительного ученого, который являлся-бы представителем экономического материализма“.

Допустим, что все „значительные ученые“ отрицательно относятся к экономическому материализму, но это еще ничего не говорит об ошибочности и неосновательности основных положений этого учения, особенно если принять во внимание, что и „значительные ученые“ не безгрешны и не имеют монополии на обладание истиной. Ведь не так уж давно французские академики — тоже „значительные ученые“ — теорию развития человека в воздухе считали „ненаучной“, а на автора ее смотрели как на сумасшедшего человека.

Огюст Конт, — пишет Бергсон, — утверждал, что химический состав небесных светил навсегда останется для нас неизвестным. Несколько лет спустя после этого заявления был изобретен спектроскоп, и теперь мы знаем из чего состоят звезды лучше, нежели если-бы мы там находились.

В свое время „значительные ученые“ с меньшей подозрительностью и враждебностью встречали другие теории и учения, казавшиеся им дерзкими, боготворимыми и т. д. В общем-же, все эти „значительные ученые“ очень часто сами впадают в заблуждения и совершают не мало глупостей.

Проф. Вышеславцев утверждает, что „не существует никаких социальных законов, подобных законам природы, и это потому, что социальная жизнь и история не есть царство природы, а есть царство свободы“.

Может быть и я поверил-бы этому утверждению проф. Вышеславцева, если-бы жил не на земле, а на какой-нибудь иной планете. Пребывая-же на земле, трудно поверить, что мы находимся в „царстве свободы“. Какое тут уж может быть „царство свободы“, если любой полицейский может спросить у вас паспорт, может посадить вас за решетку, когда вас — правого или виновного — могут сгноить в тюрьме, или даже повесить.

Можно-ли говорить о „царстве свободы“ тогда, когда миллионы людей и каждой буржуазной стране не имеют где голову преклонить, когда в каждом большом городе сотни тысяч безработных, лишенных всяких средств к существованию, как голодные, затравленные звери, рискуют по нашим шумам, богатым

городам, в напрасных поисках куска хлеба и пристанища.

И не пропией-ли в злой насмешкой звучат слова проф. Вышеславцева о „свободном творчестве жизни“, об „индивидуальном, единичном, неповторимом“ началах в ней, когда миллионы рабочих у Форда и других „благотетелей“ рода человеческого превращены в винтики огромной фабричной машины, в безгласных, нерассуждающих автоматов, изо дня в день, из года в год, в миллионный раз повторяющих у станка одни и те-же, однообразные движения.

Какое уж тут „индивидуальное, единичное, неповторимое“ творчество?...

Проф. Вышеславцев говорит, что „социальные законы и предсказания Маркса не оправдались: не оправдался закон обнищания пролетариата, не оправдался и закон концентрации хозяйств, особенно в отношении к сельскому хозяйству.“

Не все положения теории Маркса являются верными. В некоторые из них жизнь вносит свои поправки и изменения. Предначертать те или иные социальные законы развития на все времена и для всех стран невозможно. Надо, однако, признать, что в общем Маркс верно подметил основные тенденции развития капиталистического общества. Если, по наблюдениям проф. Вышеславцева, не происходит обнищания пролетариата, то в то-же самое время не замечается его обогащения. Непрерывающиеся забастовки, почти сплошь и рядом сопровождающиеся кровавыми столкновениями и жертвами, свидетельствуют о недовольстве трудящихся своим экономическим положением и стремлении их завоевать себе право на более сносное существование.

Концентрация промышленности и торговли, сопровождающаяся образованием крупных фабричных, заводских и торговых предприятий — очевидный для всех и неоспоримый факт.

Концентрации не избегает и земледелие, куда уже начинает проникать капитал и создавать крупные фермы-фабрики. Если процесс концентрации в сельском хозяйстве не происходит таким-же быстрым темпом, как в промышленности, то это только потому, что финансистам пока представляется более выгодным вкладывать свой капитал в городские предприятия, нежели в сельское хозяйство.

Не нравится проф. Вышеславцеву и то, что социаллисты, видящие теорию „железной необходимости“ перехода от капитализма к коммунистической форме общественного устройства, основывают партии и занимаются пропагандой своих идей. Раз все произойдет в силу естественного процесса развития, „то бессмысленно было-бы основывать партии и призывать к борьбе.“ „Бессмысленно было-бы, по словам Штаммлера, основывать партию для содействия и ускорения солнечного затмения“.

Предположим, что это так. Но в таком случае — зачем астрономам устраивать обсерватории и трудиться над вычислениями и предсказаниями, на основании этих вычислений, солнечных затмений, которые все равно произойдут — будут-ли они или оповещать всех или нет. Если имеется смысл в существовании обсерваторий и астрономов, освещающих нас о движении небесных светил — факте, играющем очень малое значение в жизни людей, то почему-бы не существовать на свете социалистам хотя-бы для того, чтобы освещать людей о происходящих и грядущих неизбежных социальных переменах?

Не соглашается проф. Вышеславцев и с тем, что "бытие определяет сознание". "Верно, как раз обратное, — пишет он, — как это доказал проф. Вебер: духовная установка и религиозный идеал определяет форму хозяйства, форму производства и распределения. Вебер показал, как протестантский идеал труда и личного долга заложили основы развития европейского и американского капитализма".

Проф. Вебер оказал очень плохую услугу христианству, приписав ему создание современной капиталистической системы с ее бесчеловечной эксплуатацией, разращенностью прав, порабощением человека человеком, нищетой и многочисленными пороками, злодеяниями и преступлениями.

Напрасно проф. Вебер блайдуное, порочное буржуазное общество осыпает именем христианства, с подлинным духом которого оно не имеет ничего общего. Сам-же проф. Вышеславцев называет капиталистов — экономическими материалистами, и очевидно, что не подлинны христиане, а люди, обреченные жадной наживы, служители Сатаны — создали и теперь являются главными вдохновителями эксплуататорской капиталистической системы.

В самом ли деле "сознание определяет бытие"? Это — вопрос очень старый и спорный. Но нельзя отрицать и того факта, что, выражаясь вульгарно, жадность в жизни человека играет не маловажную роль. У голодного человека мысль плохо работает. Не думаю, чтобы проф. Вышеславцев свою изысканную статью об экономическом материализме мог написать в голодном состоянии. Большой человек не станет думать об изобретениях, а пойдет прежде всего к доктору в аптеку, чтобы избавиться от своего недуга. Эдисон и Марconi тоже вряд-ли смогли-бы сделать важные открытия, живя в холодной квартире, без обеда и куска насущного хлеба.

Я вполне согласен с Достоевским в том, что "сапоги ниже Пушкина и даже горадо", но в зимний мороз может-ли человек шествовать без сапог, босиком?

Бывают, конечно, исключения, но наука, искусство и культура, как общее правило, имеют более шансов на развитие и процветание в странах материально благодействующих, нежели бедствующих.

Проф. Вышеславцев придает большое значение влиянию религии на людей и общество в целом. В самом-же деле, современное официальное христианство занимает в буржуазном обществе подчиненное, за-

висимое положение. Религия не господин, а слуга властных и богатых.

В одной из протестантских церквей недавно мне пришлось выслушать проповедь на тему: "Религия прибыльное для человека дело". Тут шла речь о вознаграждении человека в сем мире известными мирскими благами соответственно степени благочестия и послушания. За исполнение такой-то Божьей заповеди добрый христианин может ожидать вознаграждения в столько-то долларов, за соблюдение такой-то заповеди может ожидать лучшей службы, увеличения жалованья и т. д.

Религия материализмуется, низводится к небесным высот на грешную землю, ее начинают расценивать на доллары, и давно уже превратили в винтик сложной капиталистической машины.

Ссылка проф. Вышеславцева на Индию, где будто-бы "религия отрешенного аскетизма делает вообще хозяйство чем-то абсолютно неважным и классовой интерес чем-то абсолютно непертерсным" нуждается в подтверждении.

Из того, что Индия и Китай целые тысячелетия находились под гипнозом убаюкивающих их религиозных учений — ошибочно было-бы делать предположение о том, что эти страны не пробуждаются от своей многовековой спячки, не выйдут из состояния летаргии и не произведут перемены ценности.

Гражданская война в Китае, непрекращающиеся волнения и восстания против английских империалистов в Индии, — все эти факты как раз находятся в явном противоречии с утверждениями проф. Вышеславцева об "отрешенном аскетизме" индусов и китайцев, быстро перенимающих и насаждающих у себя дома европейскую промышленность, технику, цивилизацию и культуру. Восток европеизмуется, капитализмуется и материализмуется в то время, как в Европе проявляется все больший интерес к культуре восточных народов.

Особенной беды нет в том, что "душа пролетария nascков буржуазна". От этой "буржуазности", от забот о хлебе насущном — вряд-ли когда-либо сможет освободиться человек и жить только для души.

"Поэт мыслей, — пишет проф. Вышеславцев, — творческая мечта, меняет все хозяйственные условия. Тот, кто изобрел первую машину, разрушил старую форму хозяйства и создал новую. Никакое хозяйство не может сотворить дух, но дух творит и меняет хозяйство".

И в данном утверждении проф. Вышеславцев преувеличивает значение "поэта мыслей, творческой мечты". В деле созидания, хозяйственного творчества — мысль или мечта не является решающим моментом. Мечтать, вздыхать мыслью в поднебесные выси дело не особенно трудное для людей, обладающих богатой фантазией. Иное, однако, дело осуществление. А от желания до осуществления, как это давно всем известно, дистанция огромного размера. Ленин, например, мечтал об электрификации СССР, Луначарский — о всеобщей грамотности, Сталин носится с

мыслью о превращении индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные и еще кое о чем многим мечтают большевики, социалисты, монархисты и т. д.

Но недостаточно одного желания, чтобы построить автомобильный или тракторный завод, превратить СССР в социалистическую страну и т. д. Мечты и планы большевиков, может быть, и не плохие, но требуются много сил, средств и времени, а главное — нужны коллективные усилия всей страны для того, чтобы осуществить "творческую мечту" какого-либо инженера или техника, предлагающего хорошие планы.

"Может быть человек есть то, что он ест?" — в такой упрощенной форме проф. Вышеславцев представляет понимание материалистами психологической, духовной сущности человека. Материалисты (Вундт, напр.) не отрицают существования у человека души, которая понимается не в качестве Вещи или Субстанции, а как жизненность, активность.

Человек — не есть дух, как ошибочно представляют его себе идеалисты. И человек — не машина, как о нем думают некоторые материалисты. "Если-бы люди были бестелесны, пишет проф. Г. Вилдон Карр, они не обладали бы разумом; если-бы не было разума, не было-бы организма, посредством которого опыт прошлого превращается в активность в настоящем, не было-бы жизни вселенной. Всякий из нас есть живая душа в материальном теле".

"Человеческий организм, по словам проф. Карра, инструмент действия и в этом состоит вся его функция. Разум воспринимает, воображает, мыслит и желает. Разум — источник и начало активности, организм-же — инструмент или средство, посредством которого она осуществляется."

"Мозг представляет моторный механизм, посредством которого жизнь или разум действует. Мозг посредством действия осуществляет желания разума."

Проф. Карр из всего этого делает совершенно верный вывод о том, что без тела, без организма мы представляем ничто, ибо бестелесный человек не может ничего делать.

Материальное, телесное поэтому имеет очень важное значение в жизни. Без материального было-бы невозможно проявление человеческого духа. Такая невещественная сила, как электричество, может быть контролируется и направляема только при облечении ее в вещественную форму.

Неверно утверждение проф. Вышеславцева об игнорировании материализма современными учеными и философами. Наука всегда имеет дело с фактами, с явлениями материального порядка. Иначе — это была-бы не наука, а церковное богословие.

Современная философия тоже далека от одностороннего увлечения и преувеличения духовного начала. Не материя дематериализуется, как это думает проф. Вышеславцев, а скорее всего духовное выводится на степень вещественного, и в системе Бергсона — этом последнем слове философии — устанавливается взаимозависимость духовного и материального. В "Творческой эволюции" Бергсон затрудня-

ется разграничить эти представления, и указать, где начинается одно и кончается другое. Дух — материя у Бергсона как-бы сливаются в нечто единое. Противоречие между материей и духом лишь кажущееся. И духовное есть не что иное как проявление материального при известной степени состояния. Материальное одухотворено и духовное материально. Одно из другого вытекает. Материальное превращается в невидимое и невидимое; неосознаемое, духовное — в вещное и материальное.

Резко нападает проф. Вышеславцев на материалистов за то, что они "отрицают всякую религию и этику". Впрочем, материалисты не такие уж ответные люди и, конечно, признают этику и своеобразную религию. Они, по словам проф. Вышеславцева, признают "высшую ценность и святость пролетариата и коммунистического строя". Но они безбожники, поэтому достойны всяческой хулы и поношения.

В чем-же заключается преимущество христианства перед "безбожным" коммунизмом? А вот в чем по проф. Вышеславцеву:

"Если христианское понятие высшей ценности можно выразить словами: "ищите царства Божия и все прочее приложится вам", то марксистское понятие ценности можно выразить словами: "ищите правильного производства и распределения и все прочее приложится вам".

Не мне, разумеется, следовало-бы напоминать проф. Вышеславцеву о том, что христианство, в своем чистом, неискаженном виде, не только не враждебно коммунизму, но как раз идеалом земной жизни христиан является коммунистическое общественное устройство. Христианство на заре своего зарождения было коммунистическим движением.

Первобытные христиане прекрасно понимали, что подлинно христианская жизнь требует "правильного производства и распределения". Без этого не может быть "Царства Божия" на земле. Элементы "отрешенного аскетизма" не составляют сущности христианского учения, и внесены в него различными искажениями и извращениями христианства, обескровившими это возвышенное и родственное коммунизму учение.

Никто, конечно, не мешает проф. Вышеславцеву поклоняться "высшим ценностям" вместо низших. Но что такое эти высшие и низшие ценности? Можно-ли доказать, что христианский Бог занимает в небесных сферах высшее положение, нежели другие Боги: Иегова, Будда, Магомет, Конфуций и т. д.?

Не считают-ли евреи идолопоклонством почитание и исповедание христианства? Не называют-ли христиане буддистов, магометан, евреев и других инославян язычниками и поганями идолопоклонниками?

Более того, — не клеймят ли теми-же эпитетами различные христианские религии и секты одна другую? И после этого религиозного столпотворения вавилонского — кто может быть уверен в правоте своей религии и в подлинности своего божества?

И не являются-ли выдумками людскими, да еще

людей с большим воображением, все эти божества, будто-бы обитающие в таких уголках вселенной, о которых человек не имеет никакого представления.

Можно-ли требовать поклонения этим "высшим ценностям", существования которых ни проф. Выше-славцев, ни самые искусные богословы не могут доказать?

Надо быть, действительно, "нищим духом", чтобы всерьез верить в это волшебство и колдовство.

Согласимся с тем, что "духовные ценности чистото знания, науки, искусства, нравственности, любви и высшей святости, конечно, являются ценностями высшими и доминирующими". Но опять таки надо заметить, что все эти духовные ценности развиваются и процветают при наличии известного материального благосостояния. Голодные слуги науки и искусства преуспевать не могут.

Проф. Вышеславцев упрекает коммунистов в жестокости, лжи, предательстве, провокации и т. п. Материалистическое мировоззрение, по его утверждению, делает их грубыми, пошлыми и преступными. Допустим, что все это верно.

Но разве революция, война, гражданская междоусобица, голод и нищета не превратили христиан в озлобленных людей, преступников и разбойников? Разве в книге Чирикова "Зверь из бездны" не дана нам картина всеобщего падения и развращения нравов, которого не избежали ни материалисты, ни идеалисты?

И разве из уст белой эмиграции, взявшей теперь христианство под свое покровительство, не раздаются

проклятия, призывы к новым кровопролитиям и не-престанная брань по адресу тех, которые лишали их богатства, знатности, власти и прочих земных благ?

Неужели можно предположить, что эмигранты архиепископы, генералы, помещики, фабриканты и прочие господа, ругающие своих врагов совсем не по-христиански, только "ищут царствия Божия", а невозвращения отобранных у них земель, фабрик и больших окладов жалования?

Эти люди, называющие себя христианами, конечно, очень мало интересуются небесными, "высшими ценностями", и они, пожалуй, в душе являются еще большими материалистами, нежели марксисты.

Марксисты, как известно, считают производством фундаментом общественного устройства. Проф. Вышеславцев находит, что "фундамент конечно не есть самое ценное в здании, не есть самое высокое, не есть его конечная цель. Он существует ради других высших этажей, в которых собственно и протекает вся жизнь, и ради которых воздвигается все здание".

Если это даже и так, то все-таки надлежит помнить, что как-бы ни были красивы и изящны верхние этажи, они немедленно-же рухнут и похоронят в развалинах их обитателей как только станет колебаться фундамент.

Вот этого обстоятельства все еще не желают учитывать наши просвещенные идеалисты, несмотря на полученные ими хорошие уроки в русскую революцию.

М. Рубежанин.

Мелкие заметки и сообщения

ГОНЕНИЯ НА ДУХОБОРОВ В КАНАДЕ

Из Канады нам пишут: Канадские власти арестовали 519 духоборов-свободников. Из них 266 находятся в лагере Порто Рико, Британ Колумбии, 104 заключены в каторжную тюрьму Окэлла. Они подверглись неоднократным жестоким избиениям, дети у них были отобраны и помещены в английскую школу, и 130 находятся в тюрьмах Соскачевани.

Для устрашения духоборов, протестовавших против жестокого обращения с ними за их проповедь новой жизни без насилий, войны и убийств, канадский суд, на основании ложных свидетельских показаний полицейских, приговорил к 6-ти месячным каторжным работам следующих духоборов: Владимира Мейера, Петра Малова, Илариона Черненкова, Григория Дутова, 72 лет, Алексея Новова, Павла Вяткина, Михаила Ходыкина, Илариона Черненкова и Петра Перепелкина.

СМЕРТЬ АНГЛИЙСКОГО АНАРХИСТА В. К. ОУЗНА.

В Вортингтоне, Англии, скончался на 75 году жизни известный английский анархист Вильям Чарльз Оуэн. Подобно П. Кропоткину, В. Оуэн родился в аристократической семье, но пренебрег предстоявшей ему блестящей служебной карьерой, посвятив всю свою жизнь и недюжинные способности на пропаганду анархических идей в Англии, Соединенных Штатах и Мексике.

В. Оуэн оставил после себя многочисленные литературные труды по анархизму, оригинальные и переводные. Он был хорошим лингвистом, и делал переводы с различных языков на английский язык.

В числе других работ имеется его прекрасный перевод "Речей Бунтовщика" П. Кропоткина. В. Оуэн поместил много своих статей в "Лондон Фридом", "Камонвелт" и "Миддлетон Гардиан".

ПЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЕЖЕМЕСЯЧНИКА „ПУТЬ К СВОБОДЕ“.

Английский анархический ежемесячник „Путь к свободе“ (Роуд ту фридом) вступил в шестой год своего существования. В октябрьском номере „Путь к свободе“ по этому поводу пишет:

„Путь к свободе“ стоит теперь за то же самое ясное изложение анархизма, какого он придерживался в начале своего основания.

„Страницы журнала были свободны от всяких интриг и путаницы. Он сторонился от политической полемики и личных нападок. Мы лопату называем лопатой и признаем вещи такими, каким они являются в действительности.

....Анархизм должен бороться за свое место под солнцем.. Анархизм—голос социальной революции, восстающей против цивилизации, пренебрегающей человечеством ради материальных вещей“.

„Путь к свободе“ будет стремиться к „установлению нового общества, основанного на свободе, неограниченной человеческими законами“.

АРЕСТ БАРТОЛДИ В ДЕРОЙТЕ.

В Детройте арестован Алберт Бартолди, распространявший летучки, призывавшие на митинг Сакко и Ванцетти. Детройтские власти обвиняют арестованного еще в других, более важных „преступлениях“. Товарищу грозит депортация. Защитой дело перенесено в федеральный суд. Интересующиеся этим делом товарищи могут списаться по следующему адресу: Герман Картер, 15386 Фэйрфилд, Детройт, Мич.

ДРУГ СВОБОДЫ — ДЖО ЛАБАДИ ПО ЖЕРТВОВАЛ УНИВЕРСИТЕТУ АНАРХИЧЕСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

Джо Лабади — 75-ти летний американский ученый — пожертвовал Мичиганскому университету большую анархическую библиотеку, которую он собирал в течение более 50 лет. В этой библиотеке имеются редкие книги и материалы по анархизму. Библиотека Лабади, несмотря на изобилие материа-

лов, имеет пробелы: она содержит не все материалы, касающиеся анархического движения более раннего периода. Заведующий университетской библиотекой поэтому просит прислать ему листовки, памфлеты и вообще всякие печатные материалы, имеющие отношение к рабочему и либертариуму движению в Соединенных Штатах. Интересующихся улучшением анархической университетской библиотеки просят списаться с Агнес Инглис, 205 Саут Стэйт Ст., Анн Арбор, Мич.

КОНФЕРЕНЦИЯ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП, ПРИМЫКАЮЩИХ К ЖУРНАЛУ „ПУТЬ К СВОБОДЕ“.

В Кливленде 1-2 сентября с. г. состоялась конференция анархистических групп, примыкающих к английскому журналу „Путь к свободе“.

На конференции присутствовали делегаты из Детройта, Чикаго, Стюбенвилля, Стелтона, Кливленда, Нью Йорка. Из Лос Анжелоса были присланы письменные рекомендации.

Эти рекомендации сводились к следующему: надо английские группы объединить в федерацию, распространить возможно шире „Азбуку Анархизма“ Александра Брекмана и приступить к изданию памфлетов, в популярной форме излагающих анархическое учение.

Оживленная дискуссия возникла по вопросу о превращении „Путь к свободе“ из ежемесячника в двухнедельное издание.

В принципе была признана желательность более частого выпуска журнала, но на этом пути встретились затруднения: имеется долг по ежемесячному изданию журнала, и поэтому нельзя переходить к двухнедельному выпуску, не погасив предварительно старого долга и не обеспечив двухнедельного издания необходимыми средствами.

Вопрос о двухнедельном издании разрешен следующим образом: каждая группа должна вносить ежегодно известную сумму на эту цель в дополнение к определенному финансовому обязательству, принимаемому

каждым товарищем индивидуально. Каждая группа избирает отдельного товарища, ответственного за выполнение принятых обязательств. На двухнедельное издание обещано внести 450 дол. отдельными товарищами путем ежемесячных взносов от 1 до 5 дол. Кливландская группа „Фрайе Арбайтер Штимме“ обещает вносить ежегодно 50 д. и Стелтонтекая группа — 100 дол. Наличными было собрано 47 дол.

С целью более широкого распространения журнала было постановлено поставить его на киосках в больших городах.

Конференция решила послать в лекционный обезд Гиполта Гайвела

Направление журнала должно быть не односторонним, а отражать различные анархические течения.

„Путь к свободе“ и в будущем будет избегать вмешательства в фракционные драки, предпочитая работать совместно со всеми анархическими течениями. А поэтому все анархические группы и отдельные товарищи могут излагать свои взгляды на страницах журнала, не враждебные анархическому движению.

Многие другие вопросы остались неразрешенными за недостатком времени.

Следующая конференция состоится в Детройте.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ВОЛТЕРИНЫ ДЕ КЛЭР.

Ноябрьский номер „Роуд ту Фридом“ посвящается американской анархистке — поэтессе Волтерине де Клэр. Она стала анархисткой под влиянием событий, разыгравшихся в связи с казнью чикагских анархистов. Волтерина де Клэр значительно обогатила анархическую литературу своими поэтическими и публицистическими произведениями.

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНИЕ“ ОТ 12-го АВГУСТА 1929 ГОДА ПО 24-го НОЯБРЯ 1929 ГОДА

ПРИХОД:

Бренко, Эмбридж, Па., пожертвованье 10 д., А. Чадневич, Авока, Па., тоже 1 д., М. Бишко, Сайке, Онт., Канада, тоже 2 дол.,

П. Логинов, Сан Франциско, Кал., 4 д. 25 с., П. Котов, Гамильтон, Канада, 9 дол., И. Степновой, Интернационал Фолс, Мин., 1 дол., С. К., Вотербури, Конн., 1 дол., через И. Дедуна, Эмбридж, Па., от неизвестного 2 дол., через М. Хведченко, Медисон, Илл от неизвестного 1 д., о-во „Самообразование“ г. Балтимор, Мд., по подписному листу № 15, — 20 д. 20 с., подписка 24 д. 25 с., распространение 129 д. 25 с., членский взнос Елизабет, Н. Дж., 6 д. 50 с. переходная сумма 3 д.

Детроит, Мич.

Добровольный фонд 67 д. 75 с., распространение 55 д. 90 с., заимобразно 10 д., членский взнос 12 д., от предприятия 25 д., от пикников 246 д. 88 с.

Итого 634 д. 98 с.

РАСХОД:

Издание журнала 322 д. 69 с., заграничным сотрудникам 90 д., выплачено долга 10 д., на юбилейный митинг Л. Н. Толстого 14 д. 20 с., выслано в антимилитаристское бюро в Голландию 1 д., залог за парк на пикники на 1930г. 50 д.

Итого 487 д. 89 с.

Приход 634 д. 98 с.

Расход 487 д. 89 с.

Остаток 147 д. 09 с.

Комиссия:

А. Мешаный.

А. Демчун.

ПОПРАВКА.

В статье „Преследования анархистов в СССР“ (см. №9 „Пробуждения“) вкралась ошибка. В ней сказано, что Консе и Люба Немирцкая арестованы в Киеве. На самом же деле они арестованы в Симферополе, а не в Киеве.

ОПЕЧАТКА

В №9 „Пробуждения“ вкралась досадная опечатка в подзаголовке статьи Анатоля Консе „О великом могильщике — государстве и его жертвах“. Напечатано: „Святой памяти Сакко и Ванцетти. Надо же читать: Светлой памяти и т. д.“

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ **ПРОБУЖДЕНИЕ**

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ посвящен вопросам: политики, экономики, освободительного движения, науки, философии, искусства, литературы и критики.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

.....

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.

Опечатана: В отчете по изд. журн. „Пр.“, помещенном на 48 стр., имеется опечатка. Отчет дается не за время „от 12 августа 1929 г.“, как напечатано, а за время от 12 августа 1928 г. и т. д.